

18+

Александр Заиконников

ИСТОРИЯ ЗАПАДА КОЛОНИАЛЬНАЯ ЭРА

ТОМ I

Александр Заиконников

**История Запада.
Колониальная эра**

«Издательские решения»

Заиконников А. Г.

История Запада. Колониальная эра / А. Г. Заиконников —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981452-4

Панорамная работа по истории Нового времени, ориентированная на массового читателя. В доступной для восприятия форме освещаются основные события западноевропейской истории XVI — XVIII веков (от открытия Америки Колумбом до Семилетней войны включительно). В фокусе повествования находится колониальное соперничество ведущих западноевропейских государств и история образования на североамериканском континенте тринадцати английских колоний.

ISBN 978-5-44-981452-4

© Заиконников А. Г.
© Издательские решения

Содержание

История Запада	6
ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ПРОЛОГ	9
География США	9
Некоторые замечания о коренном населении Америки	11
Открытие Америки Христофором Колумбом	16
АНГЛО-ИСПАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ	27
Испанское завоевание Америки	27
Англия после открытий Христофора Колумба	35
Англо-испанское соперничество и первые английские попытки колонизации Нового Света	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

История Запада Колониальная эра Александр Геннадьевич Заиконников

© Александр Геннадьевич Заиконников, 2020

ISBN 978-5-4498-1452-4 (т. 1)

ISBN 978-5-4498-1453-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**История Запада
Колониальная эра
I ТОМ**

(2 издание, переработанное)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленная работа посвящена истории США, но истории США, взятой максимально широко, рассмотренной, если можно так сказать, через призму оказавших влияние на нее, событий европейской истории. В основу книги была положена идея, что действительная история Соединенных Штатов Америки началась задолго до конституционного оформления этой страны и приобретения ею независимости от Великобритании. Вехами ранней американской истории стали события, произошедшие по обе стороны Атлантики, и в Америке, и в Европе. То есть, еще раз повторим, на роль факторов американской истории претендуют не только события имевшие место на побережье Массачусетса, в Джеймстауне, или в лесных дебрях долины реки Огайо, но и кое-что из того, что происходило в коридорах Вестминстера, Тауэра, Лувра, Версаля, городской ратуши Амстердама, в Эскориале. Хронологические рамки этой ранней американской истории: два с половиной столетия, отсчитывая от открытия Америки Колумбом и заканчивая предварившей Американскую революцию Семилетней войной.

Используя компаративный (сравнительный) и диалектический методы автор предпринял попытку описать американскую (колониальную) историю и современную ей историю Европы в их условном единстве и синхронном развитии. Так как работа посвящена именно американской истории (планировалась как одна из серии работ по истории США), то в фокус помещены именно те события, которые происходили в обозначенный временной промежуток в Новом Свете. События в Европе как отражение модифицировавших картину мира экономических, социальных и политических процессов Нового Времени, даются в качестве исторического фона. Эти события служат ключом к пониманию того, каким именно образом, и в какую именно сторону, усилиями белого человека, менялась Америка. Ввиду того, что посвященная американской истории работа охватывает одновременно очень большой пласт европейской истории, мы не отважились озаглавить ее просто как «Историю США», дав ей предметно более близкое название: «История Запада».

Западный мир в целом (а, стало быть, в его составе и новое американское общество) созрел в условиях экономического и военного соперничества нескольких европейских держав, которые последовательно, сменяя одна другую, вели борьбу за гегемонию, как над Старым, так и над Новым Светом. Учитывая это обстоятельство, при определении внутренней структуры работы, мы приняли решение отталкиваться от главных геополитических противостояний Нового Времени: англо-испанского, англо-голландского и англо-французского. Это удобно, ввиду того, что эти противостояния характеризуют собой определенные этапы колониальной истории. Все они по воле случая, а может быть исходя из исторической механики, отмечают также этапы геополитического усиления Англии (Великобритании) и разрастания ее до масштабов мировой колониальной империи. Точно так же и сама ранняя американская история (до приобретения североамериканскими колониями независимости от Англии), может быть представлена как история колониального становления и развития Британской империи.

Представленная книга будет интересна любителям политической и военной истории, но не только им одним. К ней может обратиться любой кто, не имея времени или желания штудировать литературу по истории отдельно взятых стран, пожелает сформировать общее представление о европейской и американской истории XVI – XVIII столетий. Реальная история, на самом деле, значительно интереснее выдуманных литературных работ: всевозможных повестей и романов. Реальная история поучительна в своем естественном, нерукотворном сценарии. На примерах человеческих слабостей, страстей, ошибок, проявлений ума и глупости, доблести, жестокости, трусости, коварства, самопожертвования и распущенности она дает замечательную возможность ознакомиться с тем, что же на самом деле, являет собой человек? Автор не избегал в своей работе ни острых тем, ни жестоких сцен, воздерживаясь только

от того, чтобы слишком отчетливо обозначать свою позицию по затрагиваемым им вопросам. Делать окончательные выводы должно быть уделом читателя.

ПРОЛОГ

География США

С географической точки зрения США весьма интересны. В лучших традициях советских штампов об Америке не только в социальном, но и в географическом отношении можно сказать, что это страна контрастов. США одно из крупнейших государств мира, занимающее всю центральную часть Североамериканского континента и его крайнюю северо-западную часть (штат Аляска). Территория США превосходит по площади территорию Западной и Центральной Европы. Вся Британская метрополия «перекрывается» территориями всего двух из тринадцати первых американских штатов – Вирджинией и Северной Каролиной. Япония соответствует по площади штату Калифорния, а крохотный по американским меркам (40 место из 50) штат Южная Каролина по размерам равен независимой Ирландии.

В США не используется метрическая система, еще с колониального периода там действует старая английская система мер и весов, расстояние измеряется в милях (1609 м), а также в футах (0,3 м), площадь в акрах (0,4 га) и квадратных милях. Бескрайние континентальные пространства, от Атлантического океана до Тихого, протяженностью в 3000 миль, площадью 3,2 миллиона квадратных миль, в сравнении с Западной Европой слабо заселены. Тем не менее, в США наблюдается стабильный и высокий для развитых стран прирост населения, его численность в 2017 г. составляла 325 млн. человек – это третий показатель в мире после Китая и Индии. По территории страны население распределено крайне неравномерно. Американцы живут очень скученно и тяготеют к большим городским агломерациям. Более трети американцев проживает в десяти крупнейших городах (и их пригородах), наподобие Нью-Йорка (Восток), Чикаго (Центр) и Лос-Анджелеса (Запад). В целом по плотности населения страна уступает даже соседней Мексике, не говоря уже о небольших европейских странах. В Великобритании, например, плотность населения в 8 раз выше, чем в США.

В Соединенных Штатах, несмотря на активную экономическую деятельность человека, все еще остается много пустующих и слабозаселенных районов. Отчасти, это связано с климатическими особенностями центральных регионов страны – с засушливостью климата и слабой пригодностью некоторых земель для сельскохозяйственного использования. Сохранились множество уголков восхитительной дикой природы. В Йосемитском национальном парке, в Калифорнии, все еще растут гигантские секвойядендроны, деревья, возраст которых превышает 3000 лет, а высота – 95 метров. Диаметр ствола этих гигантов достигает 12 метров. Примером другого уголка нетронутой человеком природы служит Йеллоустоунский национальный парк. Он расположен на территории сразу трех слабозаселенных северо-западных штатов: Вайоминга, Монтаны, Айдахо.

В США исключительное многообразие ландшафтов и климатических зон. Это и напоминающие цветом песка марсианскую поверхность пустыни Невады, и кишасщие аллигаторами и толстокожими черепахами тропические болота Флориды, и заметаемые в зимние месяцы глубоким снежным покровом луга Миннесоты. В Миннесоте, где зимой средняя температура стабильно держится ниже нуля, летом из-за сезонного смещения ветров очень жарко и влажно. Контрасты во всем... На территории США располагается как наиболее высокая, так и самая низкая точка континента. На Аляске, гора Мак-Кинли (Денали), названная в честь 25-го президента США, (система Североамериканских Кордильеров), возвышается над уровнем моря, по данным Геологической службы США, на 20320 футов (6190 м). В Долине Смерти, в пустыне Мохаве, это в Калифорнии, находится впадина, чей уровень 282 фута (86 м) ниже уровня моря. Долина Смерти одно из самых сухих и жарких мест на планете, именно там в 1913 году была

зафиксирована вторая по величине температура на Земном шаре – 134 градуса по Фаренгейту или 57 градусов по Цельсию. Контрастом выглядит температура, зарегистрированная в 1971 г. на Аляске в Пресперт-Крике – минус 80 градусов по Фаренгейту (минус 62 по Цельсию).

Но это, разумеется, крайние значения, на большей части Соединенных Штатов климат достаточно мягок. Человек может не только выжить, но и чувствовать себя вполне комфортно. Основная часть страны находится в субтропическом поясе, это жаркое тропическое лето и нетропическая (то есть сравнительно холодная) зима. В зависимости от долготы и соответственно близости к океанам, либо иным крупным водным массивам, таким как, например, Великие озера, климатические зоны в США меняются от увлажненных до пустынных. Лучший климат с точки зрения сочетания солнечной энергии и влажности можно найти на узкой полосе юго-западного Тихоокеанского побережья. Это климат Калифорнии. Он оценивается чаще всего как аналог средиземноморского климата, ввиду преобладания зимних осадков над летними. Этот локальный климат превратил Калифорнию в один из самых густонаселенных штатов Америки. Расположенные на той же широте, но на Восточном, Атлантическом побережье Вирджиния, Северная и Южная Каролины, а также Джорджия не столь комфортны для проживания из-за более высокой влажности воздуха.

Калифорнийская прибрежная полоса, а также Калифорнийская долина, составляющие равнинную часть юго-запада США не велики по площади. С востока их подпирает массив Сьерра-Невада, а с севера, со стороны штата Орегон, Каскадные горы. И те и другие входят в состав горной системы Кордильеров. Кордильеры – это высокие горы, более сотни их пиков имеют высоту свыше 12000 футов (4000 м). Между калифорнийской Сьеррой-Невадой и также входящими в состав Кордильеров Скалистыми горами, пересекающими уже центральную часть Северной Америки, простирается Большой Бассейн. Это выжженное солнцем сухое бессточное плато, оно захватывает территорию таких штатов как Невада, Аризона, Юта. По сути это приподнятые над уровнем моря в среднем на 3000 футов (800—1200 м) пустыни и полупустыни – непривычная для европейского глаза, изрезанная эрозией, каменистая или песчаная земля с раскаленным и обезвоженным воздухом. Днем почти нестерпимый зной, ночью промозглый холод. Но и эти малопригодные для жизни земли имеют свою красоту. Некоторые их природные объекты, например изгиб реки Колорадо и Большой Каньон стали всемирно известными символами Америки. Эти суровые и атмосферные земли являются местом действия большинства вестернов.

Упомянутые нами Скалистые горы – ограничивающие Большой Бассейн с востока и отделяющие его от Великих равнин, визуально являются самой красивой частью Америки. Географически Скалистые горы выступают также как сердце североамериканского континента, поскольку служат линией водораздела Тихого и Атлантического океанов. Эти, сохранившие по большей части первозданную флору и фауну малонаселенные и труднодоступные области, находятся на территории штатов Нью-Мексико, Колорадо, Вайоминга, Айдахо и Монтаны. Из Монтаны горы уходят дальше на северо-запад в Канаду. Находящиеся в Скалистых горах американские национальные парки, уже упомянутый Йеллоустон, а также Глейшер (в Монтане) и Роки-Маунтин (в Колорадо) являются, безусловно, одними из красивейших мест на планете.

К востоку от Скалистых гор расположены Великие равнины – знаменитые североамериканские прерии. Это открытые взору плоские как стол земли с высокой (на востоке) и невысокой (на западе) травянистой растительностью. Исторически они служили местом выпаса многомиллионной армии бизонов, полностью уничтоженной пришедшей на Запад европейской цивилизацией. В прериях паслись также табуны мустангов – одичавших лошадей, завезенных в Америку в самом начале ее колонизации испанскими конкистадорами. В период, непосредственно предшествовавший освоению Великих равнин белым человеком, там кочевали племена индейцев, вторично одомашнивших дикую лошадь. В настоящее время рав-

нины Среднего Запада – это сельскохозяйственная житница Америки. В весенние месяцы здесь закручиваются атмосферные фронты. В результате смещения холодного воздуха, поступающего с северо-запада, со стороны Скалистых гор, и теплого влажного воздуха, движущегося с противоположной стороны, из Мексиканского залива, возникают торнадо. Иногда очень сильные и даже катастрофические, разрушающие каменные постройки и убивающие людей. Сезон с марта по июнь именуют «Сезоном торнадо», а саму протянувшуюся с юга на север полосу Великих равнин иногда называют «Аллеей торнадо». На этой аллее находятся штаты среднего запада – Техас, Оклахома, Канзас, Южная и Северная Дакота.

Главной водной артерией Америки является река Миссисипи. Миссисипи судоходна начиная от ее устья, южнее Нового Орлеана (в Луизиане), и заканчивая ее верховьями, на границе Висконсина и Миннесоты, на севере США. Бассейн реки один из крупнейших в мире и включает в себя почти все речные системы между Скалистыми горами и Аппалачами. Бассейн Миссисипи охватывает территорию 32 из 50 американских штатов. Основные притоки Миссисипи, такие как Миссури, Огайо, также судоходны. Эти водные артерии играли и продолжают играть важнейшую роль в экономике США, сами реки в «эру пароходов» служили едва ли не главными транспортными магистралями, по которым перемещались люди, полезные ископаемые, сельскохозяйственные и промышленные товары. Долины Миссисипи и ее главных притоков с обильными иловыми отложениями плодородны, что предопределило интенсивное развитие сельского хозяйства в прилегающих штатах: Арканзасе, Миссисипи (штат), Миссури (штат), Теннесси, Иллинойсе, Айове.

Сравнительно невысокая горная система Аппалачей, протянувшаяся по диагонали от Алабамы, штата прозванного «сердцем Юга» до канадской границы, служит естественным рубежом, отделяющим Средний Запад от Востока США. Восток США – это прилегающие к атлантическому побережью районы, где располагались бывшие британские колонии, объединившиеся и создавшие США. Это наиболее старая, на протяжении длительного времени экономически, культурно и политически доминировавшая над всеми остальными регионами часть американского государства. В отличие от калифорнийского побережья, равнинные области которого невелики и стеснены близкорасположенными к океану хребтами горной системы Кордильеров, прибрежные равнины Востока США занимают едва ли не всю площадь атлантических штатов – Вирджинии, Массачусетса, Джорджии, обеих Каролин, отчасти Нью-Йорка (штат). Эти равнины плодородны и позволяют получать хорошие урожаи. Климат влажный и жаркий у побережья, ближе к предгорьям Аппалачей становится более здоровым, температура и влажность воздуха понижаются.

Определенное влияние на климат севера США в полосе именуемой Средним Западом оказывает система крупных пресноводных озер, получившая название Великих озер. Озеро Верхнее по площади водного зеркала является крупнейшим пресноводным озером мира. Входящие в систему Великих озер, озера Гурон и Мичиган, лишь незначительно уступают Верхнему по размерам. Озера находятся на границе современных США и Канады, в центре экономически развитого, и когда-то промышленного региона, где сформировались такие крупные и значимые для США индустриальные центры как Детройт и Чикаго. Великие озера, как и речная система Миссисипи имели важное транспортное значение для освоения Запада, морское судоходство сохраняется там и в настоящее время. Великие Озера связаны каналами как с Миссисипи (выход в Мексиканский залив), так и с рекой Гудзон (выход в Атлантический океан).

Некоторые замечания о коренном населении Америки

Европейцы, появившиеся на Американском континенте в эпоху Великих географических открытий, обнаружили, что в Америке уже есть люди, и что этих людей там много. Колумб, не догадывавшийся о том, что открыл Америку и считавший, что приплыл в Индию,

назвал встреченных им на островах Карибского моря аборигенов индейцами. Это название закрепилось за большей частью коренных обитателей континентальной Америки. Но эти ее обитатели не были на самом деле коренными. Подобно европейцам Нового времени, они также были мигрантами, появились откуда-то издалека, чтобы захватить и по-своему освоить пустующие земли. О том, когда они это сделали, кем они были и каким образом, вообще, добрались до Америки, до сих пор ведутся споры.

Основных точек зрения две. Одна состоит в том, что подобно европейцам XV века, первые жители Америки приплыли на континент. То есть попали туда в результате трансатлантического плавания с берегов Старого Света как Колумб и его последователи, но только раньше, в доисторическое время. На практике, тот факт, что с использованием Канарского течения, трансатлантические переходы на примитивных судах возможны, доказал норвежский археолог, путешественник и писатель Тур Хейердал. Со второй попытки на лодке, построенной из эфиопского папируса, без навигационных средств, он сумел, выйдя из Марокко достичь Барбадоса, то есть пересек Атлантику. Кроме того, в академической среде не вызывает сомнений тот факт, что до Колумба жители Старого Света посещали Северную Америку уже в историческое время. Речь идет о скандинавском Винланде – современной канадской провинции Ньюфаундленд и Лабрадор. В начале XI столетия этих земель достиг викинг Лэйф Эрикссон. Лэйф Эрикссон был сыном Эрика Рыжего, первооткрывателя Гренландии.

Вторая точка зрения относительно появления первых людей в Америке – это версия об их сухопутном переселении. Люди попали в Новый Свет не по воде, а по земле, или, точнее, по узкому холодному перешейку, находившемуся на месте современного Берингова пролива. Берингов пролив сейчас разделяет Чукотку и Аляску или, соответственно, Азию и Америку, но когда-то его не было. В самом конце Плейстоцена, эпохе Четвертичного периода закончившейся 11,5 тысяч лет назад, Земной шар был покрыт ледяными шапками больших размеров, нежели нынешние. Земля тогда переживала Ледниковый период и уровень Мирового океана был значительно ниже. С глобальным потеплением, сопровождавшимся вымиранием мамонтов и других представителей мегафауны, льды таяли, уровень океана повышался, и перешеек соединявший Азию и Америку ушел под воду. Однако, одетые в звериные шкуры охотники из Сибири, к тому времени уже перебрались в Америку. Как происходила их миграция, волнами или одновременно и в какое конкретно время, доподлинно не известно. Ряд косвенных данных (радиоуглеродный анализ человеческих костей найденных на канадском Юконе) показывает, что первое такое переселение могло случиться 23—24 тысячи лет назад. За ним могли последовать и другие. Группа переселенцев могла быть небольшой, всего около 70 человек. Интересно, что эта популяция длительное время продолжала обитать на севере континента, то есть не уходила на юг. Однако, в конце концов, миграция на юг все же случилась и уже 12—17 тысяч лет назад палеоиндейцы разделились на две популяции: северную и южную. Из первой сформировались народы, обитавшие к приходу Колумба в Северной Америке, из второй – народы, обитавшие в Мезоамерике и Южной Америке. Следует обратить внимание, что предками того, кого после Колумба стали называть индейцами, выступали представители первой волны миграции. Предками инуитов и эскимосов, «коренных» обитателей крайнего севера Америки, эти переселенцы не были. Инуиты и эскимосы произошли от азиатов, которые обустроились в Америке совсем недавно, приблизительно 5—6 тысяч лет назад. Как они попали в Новый Свет остается загадкой, так как к тому времени сухопутного перешейка между континентами уже не существовало.

Версия о происхождении индейцев именно от жителей Восточной Сибири в современных условиях косвенно подтверждается антропологическими и генетическими данными. Анализ геномов обнаруженных археологами останков палеоиндейцев, например, представителей так называемой культуры Кловис (центральная часть Северной Америки, Нью-Мексико – Монтана), и сравнение их с имеющимися геногеографическими данными, в целом, не опровер-

гает теорию происхождения их предков из Восточной Сибири. Хотя и здесь далеко не все очевидно. Данное правило не всегда работает в отношении геномов палеоиндейцев Южной Америки. Такой «железный» антропологический маркер принадлежности к азиатской (монголоидной) расе как лопатовидность резцов, отслеживается преимущественно у североамериканских индейцев. В общем и целом, проблема происхождения коренных обитателей Нового Света не решена, и в настоящий момент она продолжает оставаться дискуссионной. Нельзя исключить сочетания сразу нескольких (сухопутного и морского) способов проникновения в доисторическую Америку первых людей.

Принято считать, что около 8 тысяч лет назад, человек достиг всех точек Американского континента (Северной и Южной Америки). Охотники и собиратели в этот период бродили по всему Западному полушарию. Их роды трансформировались в племенные группы. Общую численность населения Америки того времени оценивают иногда в 40 и даже в 110 миллионов человек, что, скорее всего, вряд ли могло соответствовать действительности. Размеры человеческих коллективов в границах вмещающих их природных ландшафтов зависят от возможности добыть пропитание. «Взрывной» рост численности палеоиндейцев произошел позднее и далеко не везде. И произошел он благодаря внедрению сельского хозяйства. Территория обеих Америк была к тому времени уже распределена между индейскими племенами, представлявшими более трехсот самостоятельных культур и говоривших на разных, зачастую никак не связанных между собой языках. Большинство этих культур вплоть до открытия Америки Колумбом, оставались примитивными по своему характеру. Но были и исключения.

Цивилизации Мезоамерики и Перу находились на сравнительно высоком уровне развития к тому моменту, когда в Центральной и Южной Америке появились первые европейцы. Земледельческие традиции, как считается, зародились в Западном полушарии еще 7000 лет назад, но лишь к 1500 году до нашей эры в результате тысячелетней селекции дикорастущих растений, сформировались сельскохозяйственные культуры, дававшие более или менее приемлемые урожаи. Это положительным образом отразилось на численности населения и, как следствие, привело к усложнению организационной структуры индейских сообществ. Главной сельскохозяйственной культурой в Америке стал маис или кукуруза. Появился маис на территории современной Мексики и уже оттуда распространился по всей Америке. Высказывается мнение, что высокоразвитые цивилизации Мезоамерики были обязаны своим появлением именно высокопродуктивному сельскому хозяйству, основанному на маисе. Другими сельскохозяйственными культурами Америки стали картофель, бобы и томаты. Ни кукурузы, ни картофеля, ни томатов Европа до открытий Колумба не знала.

Мезоамерика, если говорить грубо, – это Центральная Америка – регион от южной части современной Мексики, включая ее столицу, до северной границы Никарагуа. Появившимися в этих относительно небольших границах индейскими цивилизациями были так называемая Ольмекская культура, ацтеки и майя. Индейцы Мезоамерики имели письменность, календарь, достаточно глубокие познания в математике и архитектуре. Этим культурам были свойственны большие города с преимущественно каменными постройками, центральной и хорошо продуманной планировкой и ужасающие, поистине циклопического масштаба, культовые сооружения. В заброшенном городе Теотиуакане, расположенном на берегу ныне высохшего озера Тескоко, на юге Мексики, почти идеально сохранились пирамиды Солнца и Луны. Пирамида Луны имеет высоту 42 метра, при ширине основания 150 метров, пирамида Солнца – высоту 64,5 метра при сторонах основания 201—219 метров. Пирамиды построены из булыжников и глины и облицованы камнем. Во внутренних камерах сооружений были обнаружены человеческие останки, с украшениями и признаками насильственной смерти, а также скелеты хищ-

ных зверей, птиц (возможно олицетворявших воинские касты) и обсидиановые ножи. Пирамида Кукулькана – культовое сооружение майя, сохранившаяся среди руин города Чичен-Ица, меньших размеров, она вместе с храмом на ее вершине, имеет высоту 30 метров, при длине основания 50 метров.

Города мезоамериканских цивилизаций (сопотеков, майя, позднее ацтеков), сменяли друг друга. В периоды своего расцвета некоторые из них имели численность населения в 100—200 тысяч человек. Археологи делят историю мезоамериканских цивилизаций на доклассический период (с 1500 г. до н.э. до 250 г.н.э.), ранний классический (250—600 гг. н.э.), поздний классический (600—900 гг.), ранний постклассический (900—1200 гг.), и наконец, поздний постклассический (с 1200 г. и до испанского завоевания, в начале XVI века). Упомянутый выше город Теотиуакан пережил падение приблизительно в 600 году нашей эры. Возможно, в нем произошло восстание. При исследовании захоронений Теотиуакана, начиная с отметки 540-ых годов, археологами были зафиксированы очевидные признаки плохого питания его населения.

Последним крупным городом мезоамериканских цивилизаций стал Теночтитлан (на месте современного Мехико). Это была столица ацтеков, захваченная и разрушенная Кортесом. Есть мнение, что в первые века после падения Римской империи, переживавшие в это время свой «классический период» мезоамериканские цивилизации стояли на более высоком уровне культурного и технического развития, чем погрузившийся в темное средневековье европейский (или точнее германский) мир. Однако, по какой-то причине мезоамериканские цивилизации остановились на этом уровне и дальше не пошли. Возможно, причины следует искать в характере собственности на землю и на средства производства, которая во всех индейских сообществах всегда была общинной. Возможно, свою роль сыграло отсутствие колеса, лошади и технологий обработки железа. До самого испанского завоевания Мезоамерика не знала ни железных инструментов, ни железного оружия. Самым распространенным оружием ацтеков, майя и сапотеков были метровые деревянные пластины с утопленными в них обсидиановыми шипами, и обсидиановые ножи. Obsидиановые ножи использовались и для ритуальных целей, с их помощью, по испанским свидетельствам, ацтекские жрецы вскрывали предназначенным в жертву людям грудную клетку, чтобы извлечь сердце.

Культы мезоамериканских индейцев выглядят зловеще. Жертвоприношения выступали их основой, и притом жертвоприношения были человеческие. Майя сбрасывали своих жертв в природные колодцы, такие как Священный сенот в Чичен-Ице. Это большая, идеально круглая яма, диаметром 60 метров, с отвесными известняковыми стенами и темно-зеленой водой внутри нее. Землечерпальной машиной при исследовании илистого дна этого колодца были извлечены скелеты десятков людей, большинство из которых были детскими. Иногда обнаруженные в сеноте черепа имели прижизненные повреждения.

Но майя не были самым кровожадным мезоамериканским народом, им было далеко до ацтеков, чьи человеческие жертвоприношения были не только ужасными, но и массовыми. Люди приносились в жертву различным богам: Шипе-Тотеку, олицетворявшему обновление природы, Тлалоку – богу дождя, Шиутектли – богу огня, и Уицилопочтли – богу войны, Солнца, покровителю Теночтитлана. Жертв убивали по-разному. По сохранившимся описаниям, многочисленные пленные, захваченные в так называемых «Цветочных войнах», чьи голые тела раскрашивались в синий цвет, выстраивались в праздничные дни в Теночтитлане у подножия пирамид в длинные очереди. На верхней площадке ступенчатой пирамиды каждую жертву укладывали спиной на сравнительно небольшое каменное основание, человека держали за руки и ноги, пока жрец, используя обсидиановый нож, извлекал из него сердце. Утверждалось, что, бог солнца Уицилопочтли без перерыва сражается с тьмой, а человеческое сердце нужно ему, чтобы утолить жажду, и укрепить его. Телу, из которого уже извлекли сердце, отре-

зали голову, после чего сбрасывали с пирамиды вниз. И после этого уже новую жертву готовили к тому, чтобы извлечь из нее сердце для бога Уицилопочтли.

Чтобы бог дождя Тлалок не послал наводнения, ему жертвовали детей, топя их в озере Тескоко. На празднествах в честь бога огня Шиутекутли, жрецы бросали пленников в огонь, затем еще живых, но уже обгоревших, вытаскивали крючьями, и также извлекали из них сердца. Ритуальным каннибализмом сопровождался праздник Тлакашипеуалицтли (фестиваль «снятия кожи»), он был посвящен богу Шипе-Тотеку, олицетворявшему смену времен года. Жертв одурманивали, устраивали между ними и воинами-ацтеками показательные бои. Кульминацией было сдирание с людей кожи целиком. В только что содранную человеческую кожу облачались ацтекские воины, и бегали в ней по городу. По окончании празднества, человеческие кожи обрабатывались, чтобы предотвратить их гниение и складывались в храмах. Фрагменты тел убитых на празднике «снятия кожи» употреблялись в пищу.

Человеческие жертвоприношения у ацтеков существовали всегда, но массовый характер, как принято считать, эти жертвоприношения приобрели в самом конце XV века во время правления полководца и императора Ауисотля, то есть уже незадолго до испанского вторжения. Вошедшие в Теночтитлан воины Кортеса, люди сами по себе довольно жестокие, были шокированы увиденным. Испанцы долго и мучительно подчитывали общее количество черепов насаженных на деревянные решетки возле 60-метровой пирамиды Уицилопочтли, она же «Большой храм» (исп. «Templo Mayor»). В наше время под мемориалом храма археологами были обнаружены остатки башни, построенной с использованием скрепленных раствором человеческих голов. Число их превысило 600. Помимо мужских черепов, были женские и детские. Это, опровергает существовавшее до того мнение, что в жертву Уицилопочтли, приносили в основном захваченных в плен воинов. Цилиндрическая башня, сложенная из человеческих голов, упоминается в отчетах Андреса де Тапия, одного из конкистадоров, сопровождавших Кортеса в 1521 году.

Жестокость испанцев и жестокость индейцев имели различную природу. Испанцам, которые, ничуть не смущаясь, сами массово убивали индейцев и изуверски пытали их (что делал, как свидетельствуют, и сам Кортес) не были понятны, в первую очередь, мотивы ацтеков. В их гекатомбах трупов не было никакого практического смысла, убийство ради самого убийства. Испанцы же убивали всегда с какой-либо целью. Они убивали и пытали, если речь шла о золоте, о подчинении, о наказании, о мести. Но не просто так. В самой Испании, практически в то же время (при католических королях Фердинанде и Изабелле) жил Томасо Торквемада – Великий инквизитор. И в Испании проводились великолепные, обставленные пафосом церемонии умерщвления людей, курились, или, точнее, чадили костры аутодафе. За десятки лет живьем сожгли тысячи людей – еретиков и ведьм. Но за всеми этими жертвами воинствующего католицизма, волочился шлейф вины. Не могло быть наказания без вины, реальной, или вымышленной. . . Психологию мезоамериканских индейцев было сложно понять европейцам. Отличие двух культур, состояло в отношении к жизни и к смерти. С точки зрения европейской цивилизации, смерть была антагонистична жизни, а потому табуирована и отделена от нее, с точки зрения мезоамериканской цивилизации – нет. В мировосприятии мезоамериканских индейцев между жизнью и смертью не существовало четкой границы, смерть почиталась как необходимое условие продолжения жизни, как своего рода плата за новый виток жизни. В жестокости ацтеков было много будничного, можно сказать рутинного. В жестокости испанцев было значительно больше страсти, натуры и неудовлетворенности гордой души.

Что касается индейских племен, населявших в доколумбовые времена территорию будущих Соединенных Штатов Америки, то о них, в отличие от индейцев Мезоамерики известно не так много. Культурный уровень этих племен был заметно ниже, чем у ацтеков, майя и сопотектов. Хотя и здесь можно выделить две относительно развитые культуры. Одна из них носит название «Миссисипской», по причине того, что следы входивших в ее состав индейских сооб-

ществ были открыты в долине реки Миссисипи. Это была культура больших курганов. Самым известным ее курганным комплексом стала Кахокия.

Расположена Кахокия на берегу реки Миссисипи, на границе штатов Миссури и Иллинойса, прямо напротив Сент-Луиса. Крупнейший курган Кахокии – Монахов курган при высоте 100 футов (30 м) имеет ширину основания 775 футов (236 м). Численность населения находившегося здесь крупного доколумбового города могла достигать 40000 человек. Миссисипская культура, как считается, также активно практиковала человеческие жертвоприношения. На территории комплекса были обнаружены массовые захоронения молодых людей обоего пола, у части тел отсутствовали черепа и кисти рук, а другие, по-видимому, были закопаны еще живыми (неестественное положение скелетов и очевидные признаки того, что они скребли руками землю).

Вторая сравнительно развитая культура североамериканских индейцев в доколумбовую эпоху – это культура Анасази. Ее представители обитали на границе штатов четырех углов (Аризона, Юта, Нью-Мексико, Колорадо). Характерной особенностью Анасази были так называемые «пуэбло» – возведенные на склонах каньонов многоэтажные или, как бы сейчас сказали «многоквартирные» жилые дома. К концу XIII века эти комплексы были заброшены. Другие индейские племена Северной Америки на момент прихода европейцев не имели капитальных технических сооружений, они объединялись в сравнительно небольшие племенные группы, занимались примитивным земледелием, охотились и мигрировали в поисках пищи.

Открытие Америки Христофором Колумбом

Численность индейского населения, рассеянного на пространствах современных США и Канады в период Великих географических открытий спекулятивна. Называют цифры в четыре, два, один миллион человек. В любом случае европейцы пришли не на пустое место. Говорят, что индейцы жили в гармонии с окружающей их природой, в то время как европейцы нет. Это несколько идеализированный взгляд на вещи. В действительности, и те и другие активно воздействовали на окружающую среду, использовали и истощали ее ресурсы. Другое дело, что масштабы континента были настолько велики, что коренное население Америки, учитывая его численность и уровень хозяйственного развития, не могло эффективно освоить и тем более исчерпать богатства своей земли. Америка открыла перед гостями из Старого Света разнообразную и местами очаровательную природу. Европейцы в те времена, тем не менее, не были исполнены сентиментализма.

Когда мы говорим о США, мы должны определиться в первую очередь с тем, что следует считать за первый, закладной камень в основание современной Америки? Следует ли за такое начало брать работу Филадельфийского конвента в 1787 году, принявшего Конституцию США? Последовавшую за тем ратификацию Конституции штатами? Принятие через пару лет, дополнившего Конституцию, Билля о правах? Может быть, следовало бы отступить на десятилетие назад и начать с Войны за независимость американских колоний (1775—1783)? Может быть, спуститься еще глубже? – К экзальтированным речам Джона Уинтропа, которыми тот на пути в Массачусетс воодушевлял первых переселенцев-пуритан (1630)? Или еще глубже, к открытию континента Христофором Колумбом (1492)? Мы думаем, что любая из этих точек на мировой исторической кривой не будет отражать главного: того, что США, не возникли на просторах Нового Света с чистого листа. Даже в формате идеи, то есть, не беря в расчет их экономического и общественно-политического устройства, Соединенные Штаты Америки были занесены в Новый Свет извне. Девственный континент сыграл роль почвы, на которую было пересажено определенное мироустройство и на которой, это мироустройство впоследствии выросло и расцвело.

Что же в таком случае было привнесено в Новый Свет, чтобы впоследствии начать ассоциироваться с Америкой, «американским образом жизни», «американской идеей»? Ответ на этот вопрос, по всей видимости, должен звучать на удивление просто. Речь должна идти о капитализме, как о системе тесно связанных политических, социальных и экономических отношений. Мы против того, чтобы понимать капитализм узко, именно как господствующий в Европе последние четыре-шесть веков тип экономических отношений. Речь должна идти о чем-то большем, чем просто об экономике, о чем-то из разряда жизненной онтологии. Капитализм видоизменял человеческое сознание, закладывал новые нравственные ориентиры. Когда мы говорим о капитализме, в его расширенном понимании, подводя под экономический базис еще более фундаментальную телеологическую систему, то есть, когда мы заводим речь о ценностях, о смыслах, поступаем ли мы правильно, если низводим содержание капитализма до одной телеологической страсти человека к наживе?

Это упрощение, и может быть, даже очень опасное упрощение. Страсть к наживе не уникальна с точки зрения места и времени. Может быть, даже большее значение, чем сама эта страсть, имеет то, каким именно образом стремление к обогащению руководит человеком, и во что оно превращает человека? По использованным здесь алгоритмам (политическим, юридическим, и т.д.) только и можно судить о характере общества, и о том является оно капиталистическим, или нет. Утверждают, что в наиболее узнаваемой своей форме, в архетипичной форме, отношения, которые теперь принято называть капиталистическими, можно было встретить именно в США. История США – явилась «огосударственной» историей капитализма. Тем самым случаем, когда государство и капитализм, перенесенные в новую, стерильную среду, формировались одновременно и развивались синхронно друг другу.

Поскольку государство и капиталистические отношения были в американском случае пересажены на новую почву, или перенесены, как мы выразились, в «новую стерильную среду», то можно сказать, что история Америки началась, в некотором роде задолго до открытия Колумбом Америки. И в этом же смысле она началась далеко от берегов самой Америки. Может быть в этой старой, как мир истории найдется место для коммунального движения средневековых городов Европы и место даже для, казалось бы, никак не связанных с буржуазным миром и буржуазными ценностями, пропитанных аристократизмом и религиозной нетерпимостью Крестовых походов. Крестовые походы в одном ряду с другими причинами послужили к развитию в Европе товарно-денежных отношений, сопровождавших движение людей, товаров и капиталов через Европу и Средиземноморье. Что со временем из всего этого получилось? – А результатом стал, по сути, новый мир, длительное время существовавший в Европе не вместо, а наряду со старым миром, феодальным. Это был мир буржуа (французское «bourg», немецкое «Burg», «город») – мир лично свободных, обладающих частной собственностью горожан. Принадлежность к торговой или ремесленной корпорации, независимой от местного князька, предполагала присутствие личной свободы. Частная собственность, дарила экономическую свободу, делала независимым материально. Это приводило людей в состояние равных друг другу и в некоторой степени освобождало их от социальных пут, от наиболее стеснительных форм зависимости от коллектива, чьим безвольным и безропотным членом теперь не обязательно было быть, чтобы выжить. В личном и экономическом отношении, независимая человеческая особь отдалялась от других таких же человеческих особей на комфортное для нее расстояние, становилась индивидуумом. Индивидуализм в это время переставал быть социальным пороком. Более того изменившиеся со временем общественные приоритеты, делали индивидуализм крайне желательным и даже необходимым.

Буржуа, естественно, не составляли все свободное общество целиком, это была лишь нарождающаяся элита будущей исторической эпохи. Буржуа постепенно начали формировать общественный вкус, заложили несложный набор духовных ценностей, поддерживавший существование их свободного мира. Будущий господствующий класс делал заказы в материальной

и технической области. И получал то, чего хотел, или точнее, то в чем он нуждался. В этой связи не только промышленная революция, но и самые первые ростки в области знания и техники, были связаны с начавшимся, но не для всех еще очевидным буржуазным движением. Движением, направленным в сторону накопления, развития, расширения, в сторону разрушения границ, и кто-то, может быть, скажет также – в сторону умножения жизненных перспектив. Докапиталистический образ мысли находил значение труда только в том, чтобы обеспечить человека необходимым для жизни. Такой образ мысли не налагал на свободного человека нравственной обязанности трудиться больше, чем следовало для того, чтобы прокормиться. Капиталистический образ мысли исходил из другой посылки. Излишек был не менее необходим. Работать следовало для получения излишка и, соответственно, для того, чтобы впоследствии иметь выгоду с этого излишка.

Скорее всего, именно из-за этой революции в умах и произошли в итоге те фундаментальные изменения в науке и технике, которые позволили европейской цивилизации обогнать своих конкурентов. Из повисшей в воздухе средневековых бургов идеи накопления и приумножения, выросли концепции развития и прогресса. Именно отсюда ведет свое происхождение сравнительно более высокая предприимчивость и любознательность европейцев. Производство и торговля стали звеньями одной цепи с техникой и наукой. Коперник и Гутенберг, Бруно и Галилей были солдатами этого нового, рождающегося мира. Результаты их интеллектуальных усилий стали всего лишь ответом на его вызовы. Приблизительно таким же ответом стали и Великие географические открытия и в их числе, открытие и освоение Америки. Чем дальше, тем теснее становилось Европе в ее старых интеллектуальных и географических границах.

Изобретение книгопечатания (не берем в расчет Китай) приписывается немцу Иоганну Гуттенбергу. Это суждение иногда оспаривается. Тем не менее, известно точно, что в Европе уже в 1450-ых годах, наборным методом, с помощью металлических литер, печатались книги. Бумага в результате улучшения технологии ее производства стала доступной чуть раньше, около 1400 года. Начало книгопечатания было, безусловно, важнейшим событием европейской истории. Немногим более 30 лет оставалось до открытия Америки Колумбом. Книгопечатание сделало знание общедоступным и нанесло поистине безжалостный удар по интеллектуальным границам. Вслед за ударом по границам, сковывавшим человеческое знание, должен был последовать удар по границам географическим. И он последовал.

В арсенале морских путешественников к тому времени находились компас и астролябия. Компас определял направление, астролябия позволяла определять широту. В середине XV века португальский инфант Энрике, более известный как Генрих Мореплаватель, пользуясь удобным местоположением его страны, снаряжал одну морскую экспедицию за другой. Меркантилизму и любознательности Генриха Мореплывателя, Европа была обязана открытием многих темных пятен восточной Атлантики. Португальские мореходы, пользовавшиеся поддержкой инфанта, каждый раз все дальше и дальше продвигались на юг, вдоль западных берегов Африки. В 1498 году, уже после открытия «Индии» Христофором Колумбом, португалец Васко де Гама обогнул южную оконечность Африки – мыс Доброй Надежды и, держа курс на восток, достиг Индии настоящей.

Еще одним «предприятием», о котором можно говорить, как об ответе на заказ рождающейся новой Европы была религиозная деятельность Мартина Лютера. Все мы помним, как поздней осенью 1517 года, к дверям Замковой церкви немецкого города Виттенберг, этот добрый человек прибил свои 95 тезисов. Эти лютеровские тезисы и последовавшие за тем религиозные споры, из которых и родился протестантизм, как мы его теперь знаем, послужили в действительности, той же цели, что и распространение книг, и Великие географические открытия.

Реформация также ломала границы, признавая за человеком право двигаться в новые области, где бы он мог действовать и творить. Старые религиозные рубежи, покоящиеся на авторитете римской курии, со всей ее воцерковленной бюрократией, этих обязательных посредников между Богом и человеком, полетели ко всем чертям. То, что эта религиозная дерзость Лютера, ополчившегося на Рим, стала ответом на социальный вызов, следует из того, что его, крестьянского сына, не сожгли тогда на костре как обычного еретика. У Лютера оказалось на удивление много сторонников, и из числа сильных мира сего (германских князей), и из числа простых людей, кровно и совершенно искренне заинтересованных в успехах Реформации.

Период, начиная со второй половины XV века и до конца первой половины XVI столетия, вместивший в себя Великие географические открытия, начало книгопечатания, Реформацию, помимо всего прочего вместил в себя еще и культуру итальянского Возрождения. В городах Италии творили Рафаэль, Микеланджело, Леонардо да Винчи. Во Флоренции Макиавелли писал своего «Государя». В живописи и скульптуре случился решительный разворот, искусство повернулось лицом к человеку. Человек превратился в мерило, в универсальную ценность. Греховная телесная красота отныне не была под запретом, она заняла центральное положение во многих художественных произведениях, в том числе и на библейские сюжеты. Другим немаловажным изменением свершившимся в технике живописи и тесно связанным с изменившимся мировоззрением человека того времени, стало появление перспективы. В пейзажной и жанровой живописи пространство стало трехмерным, у него появляется глубина, оно стало видимым. То есть, как мы можем заметить, и в живописи человеческие границы расширились.

Политическая история Европы на закате Средневековья имеет одну бросающуюся в глаза особенность. Эта особенность а, по сути, закономерность, проявилась в централизации государственной власти, в укреплении института монархии и в успешной борьбе королей с феодальной вольницей. Эта закономерность хорошо отслеживается в истории Англии, Франции, Испании. При внимательном рассмотрении, во внутренних политических процессах этих стран можно найти даже некоторую синхронность. Европу охватило движение к тому состоянию внутренней политической жизни, которое впоследствии получит название «абсолютизма» и которое, в свою очередь, стало одним из этапов на пути к созданию в Европе централизованных национальных государств.

Англия по окончании Столетней войны в середине XV века находилась в состоянии гражданской войны. Эта война, тем не менее, затронула, в основном господствующее сословие. Феодальные кланы, поддерживающие две соперничавшие за престол ветви Плантагенетов (Ланкастеров и Йорков), активно резали друг друга, переходя иногда, в зависимости от политической конъюнктуры, из одного лагеря в другой. Герб Ланкастеров – белая роза. Герб Йорков – алая роза. Война Алой и Белой Розы завершилась только к концу столетия. Одержавшие, как тогда всем казалось, окончательную победу Йорки, не сумели, в итоге, сохранить у себя корону. Ричард III, король-горбун, с безрассудной отвагой погиб в 1485 году в битве при Босворте. Для истории Англии это был поворотный год. Оставалось семь лет до открытия Америки Колумбом.

Победитель Ричарда – Генрих Тюдор женится на Елизавете Йоркской, племяннице Ричарда III и дочери его брата, короля Эдуарда IV. Тюдоры объединили в своем фамильном гербе алую и белую розы. При расчетливом и холодном Генрихе VII было достигнуто, наконец, окончательное примирение феодальных элит Англии, началось укрепление королевской власти, резко ухудшилось (из-за усиления экономической эксплуатации) положение простого народа. Елизавета Йоркская подарила монарху наследника – второго короля из династии Тюдоров, Генриха VIII – здоровяка, деспота и страстного любителя женского пола. Генрих VIII –

это отец Елизаветы I (1558—1603), королевы-девственницы, монарха, чье имя теперь прочно ассоциируется с Золотым веком в английской истории. В Англии при Елизавете балом правило Возрождение, творили Шекспир и Марло. Небольшая страна бросила тогда вызов огромной Испанской империи, баснословно разбогатевшему на разграблении заморских колоний новому европейскому гегемону. Именно в елизаветинский век, на рубеже XVI – XVII вв. Англия переживала период накопления капитала и, завидуя колониальным успехам испанцев, сама готовилась сделать, оказавшийся судьбоносным для всей западной цивилизации, скачок через океан.

Франция после победы в Столетней войне, переживала собственный период централизации власти, причем на полшага опережала в этом соседнюю Англию. Пока в Англии бушевала гражданская война, французский король Людовик XI (1463—1483), получивший прозвище «Паук», искусно плел политические интриги и, действуя больше хитростью, нежели силой, достиг поразительных успехов в объединении до того момента почти независимых французских княжеств. Жертвой Людовика XI стал владетельный дом д'Арманьяков (Гасконь), к Ильде-Франс (королевский домен) были присоединены Франш-Конте, Пикардия, Артуа, Бургундия, Мэн, Прованс. В 1477 году в сражении при Нанси потерпел поражение от швейцарской армии герцог Бургундии Карл Смелый, самый сильный и влиятельный из вассалов (и противников) французского короля. Обезображенное тело Карла с трудом нашли и опознали. Говорят, что двор бургундского герцога по богатству значительно превосходил двор его сюзерена, человека скупого и нелюдимого. Людовик XI использовал (после гибели Карла) просьбу его вдовы о покровительстве и, с помощью интриг, отобрал Бургундию у наследницы Карла.

Во Франции, в присоединенных к королевскому домену областях, вспыхивали восстания, однако, королевские войска эти восстания подавляли, время уже не повернешь вспять. Скончавшемуся в укрепленном замке Плесси-ле-Тур Людовику XI наследовал его сын Карл VIII, не отличавшийся здоровьем тринадцатилетний юноша. У молодого Карла не было хватки отца, и при нем произошло некоторое ослабление монаршей власти. В 1498 году, проходя через низкий дверной проем, Карл VIII по неловкости разбил себе голову. Через некоторое время он скончался от последствий полученной им травмы в Амбуазе. Поскольку сыновья Карла умерли в младенчестве, трон по салическому закону, перешел к представителю Орлеанской ветви дома Валуа.

Людовика XII как говорят, очень любил простой народ. Этот добродушный и общительный король снизил налоги. Кончил он плохо, итальянские войны, которые Франция начала еще при его предшественнике, к концу правления Людовика XII приняли для французов неблагоприятный оборот. Пятидесятидвухлетний король умер в 1515 году, по слухам от излишних усилий, предпринятых им в спальне. Людовик XII очень хотел наследника-сына, но добыть его так и не смог. Новый французский король Франциск I приходился Людовику XII двоюродным племянником. Известен Франциск стал, в первую очередь тем, что покровительствовал науке и искусству. Высокая культура итальянского Возрождения, с итальянскими мастерами проникла при Франциске I во Францию. Способствовали этому отчасти и итальянские войны, которые Франциск I вел с переменным успехом, умудрившись побывать в плену у Карла V Габсбурга (после поражения французов от имперских войск при Павии в 1525 году). При Франциске I, умершем в 1547 году в Рамбуйе, как и при Людовике XI продолжала укрепляться королевская власть, Франция быстрой и уверенной поступью двигалась к абсолютизму.

Упомянутый выше Карл V Габсбург (1516—1556) – император Священной Римской Империи и, одновременно, испанский король (под именем Карлоса I), приходился внуком «католическим королям» Фердинанду и Изабелле. При Фердинанде и Изабелле произошло объединение Испании в единое, централизованное государство. Случилось это по завершении реконквисты (освобождение Пиренейского полуострова от мусульман). Тем не менее, с первым утверждением иногда спорят, обращая внимание на то обстоятельство, что даже Карл V носил титулы короля Кастилии и Арагона, а вовсе не короля Испании.

В 1469 году Изабелла, королева Кастилии и Леона, самого сильного из христианских королевств Пиренейского полуострова, вступила в династический брак с Фердинандом, королем Арагона. После свадьбы оба королевства были объединены в одно государство, хотя и с сохранением автономии у его частей. Изабелла была старше мужа на год. И Изабелла, и Фердинанд происходили из иберийской королевской династии Трастамара, муж и жена состояли в родстве (приходились друг другу троюродными братом и сестрой). По этой причине разрешение на брак пришлось получать у папы римского. Родство, по всей видимости, отразилось на их потомстве. Единственный сын королевской четы Хуан Астурийский скончался в 1497 году в возрасте 19 лет.

По причине того, что в Испании к наследованию могли призываться женщины, после смерти Изабеллы в 1504 году, корону Кастилии наследовала старшая из оставшихся в живых дочерей Фердинанда и Изабеллы, Хуана Безумная. После смерти отца в 1516 году, Хуана формально (почему, мы сейчас скажем) унаследовала еще и арагонский престол. По отзывам, красивая и одухотворенная девушка, выданная замуж за представителя династии Габсбургов Филиппа I Красивого, сошла с ума после смерти мужа. Филипп скончался от оспы (или, другой вариант, от отравления) в 1506 году. Хуана облачилась в траур, и не позволяла никому хоронить мужа, она разъезжала с телом умершего по всей Испании и периодически вскрывала гроб. В связи с душевной болезнью королевы, бразды правления Кастилией перешли к королю Арагона Фердинанду, ее отцу. А когда он умер, сын Хуаны от ее брака с Филиппом Красивым, уже упомянутый нами Карл V Габсбург, оказался достаточно взрослым (16 лет), чтобы управлять Испанией от имени живой, но безумной матери.

Испанские земли, как часть фамильных владений деда и бабушки Карла V (Фердинанда и Изабеллы) были не единственными землями, доставшимися ему по наследству. От отца молодой король унаследовал Нидерланды, а также оспаривавшиеся Францией у Габсбургов области Артуа и Франш-Конте. От Максимилиана I (деда по отцу) Карл получил в наследство земли Священной Римской империи. Кроме того от деда по матери, (Фердинанда Арагонского) ему перешли права на неиспанские владения последнего: Русильон (юг современной Франции) итальянские Сардинию, Сицилию и Неаполь. Хотя Неаполь оспаривали у Габсбургов французские короли, Карл V в любом случае превратился в самого могущественного монарха Европы, ему принадлежали владения, разбросанные по всей Европе, и как всем казалось, бесконечный набор титулов.

Но главным было не это. Главным было то, что империя Габсбургов при Карле V не ограничивалась одной Европой. После открытия Колумбом Америки, испанцами были захвачены земли в Новом Свете. Это были бескрайние и богатые владения, насыщавшие испанскую экономику дешевыми золотом и серебром. Испанская колониальная империя, созданная усилиями конкистадоров, также принадлежала Карлу. В 1540 году император исполнил завещание Христофора Колумба, пожелавшего, чтобы его останки упокоились в Вест-Индии. Тело мореплавателя эксгумировали и из Севильи доставили на Эспаньолу (о. Гаити), где погребли в кафедральном соборе Санто-Доминго. В XIX веке из Санто-Доминго, предполагаемые останки Колумба, переправили обратно в Севилью.

Христофор Колумб (лат. Christophorus Columbus, род. 1451), он же Кристофоро Коломбо (итал. Cristoforo Colombo), он же Кристоваль Колон (исп. Cristobal Colon) не был испанцем. Небогатый уроженец итальянской Генуи до того как перебраться в Португалию прошел курс обучения в университете Павии. Говорят, идею о том, что до Индии можно добраться западным путем, через океан, Христофору Колумбу подсунил астроном Паоло Тосканелли. Увлеченный этой идеей, Колумб неоднократно обращался к королю Португалии Жуану II с просьбой

финансировать его «индийскую» экспедицию. Последний поначалу заинтересовался и даже согласился оплатить дорогостоящее предприятие Колумба, но после внимательного изучения его условий, поменял решение. Итальянский авантюрист прожил в Португалии девять лет (с перерывами) и в конце этого срока у него возникли проблемы с законом. Колумб был вынужден перебраться в соседнюю Испанию (1485), после чего начал обивать пороги уже у испанских католических королей. Известно, что генуэзец завязал переписку даже с королем Англии. Но Генрих VII Тюдор, как и Жуан II, несмотря на благожелательный тон, ничего конкретного на просьбы Колумба не ответил.

Основным препятствием, из-за которого планы Колумба долгое время не могли реализоваться, были, по всей видимости, амбиции самого Колумба. Человек, не имеющий за душой почти ничего, требовал дворянства, и в случае успеха его предприятия, титул вице-короля новых земель. Еще он хотел звания «адмирала Моря-Океана» и, разумеется (куда без этого?), право на часть добычи (государственных доходов с новых земель). Король Фердинанд посчитал эти требования завышенными, но королева Изабелла отнеслась к Колумбу с большей симпатией, чем ее супруг. Наверное, только благодаря Изабелле, идеи генуэзца окончательно не похоронили. Вопрос был оставлен открытым, и к нему было решено вернуться после окончания войны с маврами. Эта война высасывала из кастильской казны почти все соки. В начале января 1492 года наступила долгожданная развязка: мавританская Гранада пала. Тотчас же после захвата католическими королями последнего мусульманского оплота в Испании, пока Фердинанд и Изабелла не вышли из сопутствовавшего этому историческому успеху состояния эйфории, Колумб вновь обратился к супружеской чете со своим предложением. И вновь неудачно. Несмотря на то, что открытие Индии сулило в случае успеха баснословные прибыли (если учесть стоимость на европейском рынке индийских товаров), и что благодаря Колумбу идея плавания захватила умы многих знатных испанцев, имевших влияние при дворе, Колумб получил очередной отказ от Фердинанда. В феврале 1492 года он уже готовится отбыть во Францию, когда к вопросу подключилась Изабелла. Королеву, как это ни странно, увлекла идея нанесения удара по туркам-османам с востока, со стороны Индии. Турки-османы еще в 1453 году захватили Константинополь, они добились господства в Восточном Средиземноморье, владели палестинскими землями, Иерусалимом и Гробом Господним. Турки фактически отрезали Европу от торговли с Индией и Китаем. Те немногие восточные товары, которые вопреки обстоятельствам попадали в Европу, стоили на ее рынках безумных денег.

Изабелла одно время даже рассматривала вопрос продажи своих личных драгоценностей, чтобы профинансировать экспедицию Колумба. Но остановились в итоге на том, что Колумб сам добудет себе средства за счет передачи ему неполученных кастильской казной налоговых платежей. В апреле 1492 года мореплавателю было, наконец, пожаловано дворянство и королевская чета подтвердила, что в случае успеха предприятия он удостоится титула вице-короля открытых им земель, и получит титул «адмирала Моря-Океана». Кроме того, все свои титулы мореплаватель сможет потом передать по наследству.

Собранных «с мира по нитке» денег Колумбу хватило, чтобы снарядить в плавание всего три корабля. Флагманом этой небольшой эскадры стала Санта-Мария – большая трехмачтовая каракка. Ее должны были сопровождать две каравеллы: Пинта и Нинья. На борту всех трех судов находилось порядка 100 человек. 3 августа 1492 года корабли вышли из гавани испанского города Палос-де-ла-Фронтера и после короткого перехода достигли Канарских островов. К западу от островов простирался, отражавший лучи августовского солнца, бескрайний Атлантический океан. После непродолжительной стоянки Санта-Мария, Пинта и Нинья отправились в неизвестность, держа курс на запад, в сторону заходящего солнца.

Санта-Мария была самым большим из трех кораблей Колумба. В его судовом журнале судно называется то караккой, то каравеллой и отмечается его очень плохая маневренность. Каракки были технологически самыми сложными судами эпохи. В середине XVI века они

уступили пальму первенства еще более сложным и крупным галеонам. Характерными особенностями каракк были высокие надстройки на баке и юте. До развития корабельной артиллерии на этих конструкциях, защищенных щитами, размещались лучники и арбалетчики. Сам корпус по форме напоминал ореховую скорлупу и из-за высоких бортов даже одинокую каракку было нелегко взять на абордаж. Водоизмещение типичной трехмачтовой каракки составляло 150—200 тонн, при длине корпуса по ватерлинии 18—25 метров. Экипаж состоял из 40—50 матросов. Соотношение ширины корпуса к длине у первых каракк было приблизительно 1 к 3. Эти корабли имели отменную мореходность, но плохую маневренность. Именно благодаря своим мореходным качествам каракки стали символами эпохи Великих географических открытий. К классу каракк принадлежал не только флагманский корабль Христофора Колумба, но и корабли на которых совершали свои открытия Васко де Гама (каракка «Сан-Габриэл») и Фернан Магеллан (каракка «Виктория»). Два других судна Колумба – Пинта и Нинья относились к классу каравелл, они имели меньшие размеры, чем Санта-Мария, меньшую осадку и меньший размер экипажа, но при этом лучшую маневренность.

12 октября 1492 года в два часа пополудни матрос Родриго, впередсмотрящий на Санта-Марии, заметил на горизонте светлую полосу. Белый песок отражал лунный свет. Сомнений не было никаких, это был берег! О том, что земля близко экипажи кораблей Колумба поняли еще накануне, в небе были замечены стаи птиц, в воде плавали ветки. Первому увидевшему берег Индии кастильской короной была обещана награда – ежегодная пенсия в 10 тысяч мараведи. Но матрос Родриго эту пенсию не получил, Колумб заявлял, что первым Индию увидел именно он, еще предыдущим вечером.

Земля, на которую высадилась команда Колумба, оказалась островом. Этот остров получил название Сан-Сальвадор (предположительно современный остров Уотлинг в составе Багамского архипелага). Местные жители были совершенно наги и на удивление дружелюбны. Вот что об этой первой встрече в судовом журнале записал сам Колумб.

*Они... приносили нам попугаев и хлопковую пряжу в мотках и дротики и много других вещей, которые обменивали на стеклянные бусы и колокольчики для соколиной охоты... И по доброй воле отдавали они все, чем владели... сложены они были хорошо, и тела и лица у них были очень красивые... они не носят и не знают [железного] оружия: когда я показывал им шпаги, они хватались за лезвия и по неведению обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет. Их дротики – это пальцы без железа... Они должны быть хорошими и толковыми и сметливыми слугами... достаточно пятидесяти человек, чтобы держать их всех в покорности и заставить делать все что угодно.*¹

Араваки – коренные жители Багамских островов были внешне похожи на континентальных индейцев, с той только разницей, что имели миролюбивый, если не сказать, робкий нрав. Буквально с самого первого дня они подверглись насилию со стороны европейских пришельцев. Колумб написал об этом впоследствии следующее:

*...как только я прибыл в Индию, на самом первом открытом мною острове, я взял силою несколько местных жителей, чтобы они научились чему-нибудь у нас и сообщили мне о том, что находится в этих краях.*²

Испанцев интересовали пряности и золото. Араваки жили родовыми общинами, возделывали маис и в ушах у них были замечены маленькие украшения из золота. Исследуя местность, испанцы открыли и другие острова. Двигаясь на юго-запад, Колумб достиг современной

¹ Зинн Говард. Американская империя. С 1492 года до наших дней. – М., 2019. – С.5.

² Там же.

Кубы, а повернув оттуда на восток, наткнулся на еще один большой остров, который назвал Эспаньолой. Это был современный Гаити. На Эспаньоле произошла первая стычка с индейцами (карибами), в результате которой европейцами было заколото несколько дикарей. И еще, около побережья Эспаньолы Санта-Мария налетела на риф. Судно было потеряно, но экипаж не пострадал. Из досок своего флагмана Колумб приказал соорудить форт, назвал его Ла-Навидадом, что значит «Рождество». Вооружил этот форт корабельными пушками с Санты-Марии, оставил в этом импровизированном поселении 39 матросов, снабдив их провиантом на год, и отдал им приказ искать золото. После этого Колумб, захватив с собой пленников-индейцев, на двух оставшихся у него каравеллах взял курс на восток.

На пути в Испанию, часть индейцев, не выдержав трудностей перехода, умерла. Тела их пришлось выбросить в море. На траверзе Азорских островов 12 февраля 1493 года начался сильнейший шторм, бушевавший на протяжении трех суток. Пинта и Нинья потеряли из вида друг друга и дальнейший путь проделали в одиночестве. 15 марта, фактически в один день оба судна благополучно достигли берегов Испании. Колумб был встречен как герой. На аудиенции у Фердинанда и Изабеллы он передал им захваченных в плен индейцев, перья птиц, неизвестные до той поры в Европе сельскохозяйственные культуры и... немного золота. Колумбом была сочинена красивая история про то, что реки Эспаньолы полны золота. На следующую его экспедицию католические короли уже не скупилась. 25 сентября 1493 года из Кадиса в Индию вышел настоящий флот в составе 17 кораблей. Сам Христофор Колумб держал флаг на двухсоттонной «Марии-Галанте», под его началом теперь находилось около двух тысяч человек.

Христофор Колумб блефовал, авантюрист от Бога, баснями о золотых песках он соблазнил на серьезные финансовые вложения не одних только католических королей. Слово «золото» действовало на испанскую знать магически и открывало перед Колумбом любые двери. И вот теперь, вновь достигнув «Индии», и изучив Кубу и Эспаньолу лучше, чем в первый раз, Колумб понял, что никакого золота там нет. В довершение всех бед, по причине жаркого и влажного климата, испортилась большая часть выгруженного на берег провианта. Было принято решение оставить на Эспаньоле пару сотен солдат и пять кораблей, а остальные суда с людьми отправить назад в Испанию. Колумб при этом поручил довести до сведения католических королей, что он открыл-таки золотые месторождения и остро нуждается в провизии, скотине и орудиях труда. В качестве средства платежа предлагался живой товар – пленные.

По сути, второй экспедицией Колумба было дан старт геноциду туземного населения Вест-Индии. Форт Ла-Навидад не дожидаясь возвращения европейцев, его деревянные постройки оказались сожжены, а оставшиеся в нем год назад испанские моряки погибли. В ответ испанцами было начато наступление на внутренние районы Эспаньолы. Местные жители (в первую очередь, воинственные и практиковавшие каннибализм карибы), несмотря на их многочисленность, не смогли ничего противопоставить выставленным против них испанским солдатам. Дикарей, не знавших ни одежды, ни железа убивали толедским оружием и травили не известными доселе собаками. Пресловутыми золотыми копиями, о которых Колумб сообщил в Испанию, было небольшое месторождение драгоценного металла в провинции Сибано на Гаити. Индейцы находили в реке золотые песчинки и делали из них маленькие золотые украшения. В любом случае, запасы золота были незначительными. Единственным ценным товаром, которым перед отправкой в Испанию можно было забить трюмы кораблей, оставались

местные рабы. Так что, еще до отплытия Колумба назад, на индейцев была устроена настоящая охота. Около полутора тысяч дикарей, мужчин, женщин и детей было помещено в большие загоны охраняемые собаками. Из этих полутора тысяч отобрали около пятисот с совершенными телами, погрузили их на корабли и отправили в Испанию. Около двухсот умерли в пути, остальные были доставлены в пункты назначения. Выставленные на городских рынках, индейцы удивляли испанцев тем, что находясь в голом виде перед толпой незнакомых им людей, совершенно не стыдились этого.

Быть проданным в рабство в Европе – далеко не худшая участь из тех, что могли ожидать индейца рожденного на Эспаньоле. Колумбом после завоевания им Больших Антильских островов было отдано распоряжение всем достигшим совершеннолетия индейцам, каждые три месяца сдавать завоевателям установленное количество золота, или, как вариант, определенное количество хлопка, если золота в их местах не было. Тем, кто отдавал испанцам требуемое, на шею вешались медные жетоны с выбитой на них датой последней выплаты. Тем, кто этого не делал, испанцы, по некоторым источникам, рубили кисти рук, чтобы поддерживать среди остальных туземцев страх и заставлять их трудиться. Отрубленные кисти, как и жетоны, вешались человеку на шею, после чего бедолага отпускался умирать к себе в деревню.

Индейцы островов Карибского моря умирали не только от действия испанского оружия. Многие, испытывая сильнейший страх и не имея возможности ни сопротивляться, ни бежать с острова, кончали жизнь самоубийством. Суициды иногда были массовыми, островитяне травились ядами, изготовленными из маниока. Позднее, когда для конкистадоров стало очевидным, что дикари не в состоянии добыть им золота, индейцев стали использовать на обычных сельскохозяйственных работах в поместьях именуемых энкомьендами. Непривычные к труду, они не выдерживали каторжных условий и умирали тысячами. Однако, наибольший процент жертв испанского вторжения в Вест-Индию, пришелся на последствия завезенных Колумбом из Европы болезней – оспы, кори, брюшного тифа, испанки (грипп), к которым у индейцев не было иммунитета. Считается также, что за полтора столетия испанского пребывания в Вест-Индии (Карибский бассейн), к середине XVII века, местное туземное население было истреблено испанцами практически полностью. Современные жители Кубы, Ямайки, Гаити и других островов Карибского моря, являются или потомками конкистадоров, или потомками завезенных из Африки негров, но не потомками индейцев.

Вторую экспедицию Христофора Колумба, на самом деле, нельзя было назвать неудачной. Были открыты Монтсеррат и Антигуа в составе Малых Антильских островов, острова Санта-Крус, Пуэрто-Рико, Ямайка. Были исследованы внутренние районы Кубы и Эспаньолы. Но захват новых земель, на которые теперь распространялся суверенитет испанской короны для Фердинанда и Изабеллы, а также для окружавшей их кастильской знати, вложившейся в предприятие, не был положительным результатом. В «Индиях» совсем не оказалось пряностей, а небольшое количество золота и рабы были не тем на, что все рассчитывали, когда скидывались Колумбу на его новое путешествие. Людям крайне неприятно чувствовать себя дураками, поэтому еще до окончания второй экспедиции генуэзского авантюриста и до возвращения его назад в Испанию, испанскими властями было принято решение отказаться от сотрудничества с Колумбом. К освоению «Индий» был подключен еще один итальянец на испанской службе – Америго Веспуччи. Было дано разрешение всем желающим, переселяться на открытые за океаном земли, при условии, что за эти земли колонисты будут расплачиваться с испанской казной золотом.

Христофор Колумб возвратился в Испанию, чтобы отстаивать свое исключительное право на освоение «Индий» летом 1496 года. В целом, можно сказать, возвратился неудачно. При дворе ему уже не верили. Колумб предпримет еще две экспедиции в «Индии», достаточно скромные (на шести и на трех кораблях соответственно). В 1500-ом году его монополия на освоение новых земель будет окончательно отменена Фердинандом и Изабеллой, и в Санто-

Доминго на Эспаньолу, столицу испанской Вест-Индии, будет направлен с неограниченными полномочиями Франсиско де Бобадилья. Бобадилья арестует Колумба и возьмет власть на острове в свои руки. К тому времени португалец Васко де Гама уже достигнет настоящей Индии и возвратится нагруженный пряностями, чем многократно окупит расходы на его экспедицию (в отличие от обманщика Колумба).

Следует отметить, что в 1498—1499 годах Колумбом и независимо от него Америго Веспуччи (в кооперации с испанцем Алонсо де Охедой) было открыто и нанесено на карту северо-восточное побережье Южной Америки (современные Суринам и Венесуэла). Колумбу также принадлежала честь открытия устья реки Ориноко. Америго Веспуччи был первым европейцем, кто назвал открытые на западе земли – Новым Светом. Колумб в отличие от Веспуччи, так и умер убежденным, что достиг берегов Индии.

Смерть великого мореплавателя, освобожденного из заключения и успевшего совершить еще одно (четвертое плавание), но так и не сумевшего вернуть себе благорасположение испанских властей, безнадежно больного и по-прежнему бедного, осталась незамеченной для современников. Христофор Колумб тихо умер в Севилье в мае 1506 года. И только спустя десятилетия, когда в том числе благодаря его достижениям, Испания превратилась в ведущую европейскую державу, историческая роль Колумба была пересмотрена. Как и после первого его плавания, генуэзец был провозглашен в Кастилии национальным героем.

АНГЛО-ИСПАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Испанское завоевание Америки

Америго Веспуччи после второго путешествия к берегам Южной Америки, как, говорят, окончательно утвердился во мнении, что обнаруженные за Атлантикой земли это никакая не Индия, а новый, неизвестный континент. По результатам своих путешествий сын флорентийского нотариуса и купец, продемонстрировал еще и писательский талант, оставив интересные, хотя и не совсем правдоподобные заметки о приключениях в Новом Свете. Записки Веспуччи попали к картографам. Догадки Америго оказались верными и по этой причине, новый континент был назван в честь него, а не в честь Колумба – Америкой. Впервые топоним «Америка» увидел свет в 1507 году у немца Мартина Вальдземюллера, картографа из Лотарингии.

Несмотря на то, что в самой Испании, при дворе католических королей, понимания масштабов случившегося еще не было, кастильские власти, тем не менее, серьезно отнеслись к открытиям Колумба. В первую очередь они поспешили юридически закрепить за собой права на освоение новых земель. Активность в морских исследованиях в это время проявляли всего две страны – Испания и Португалия. В связи с этим, договоренность о «разделе Мира» была заключена между двумя этими странами. В 1494 году, то есть через 2 года после первого плавания Колумба, при посредничестве папы римского Александра VI, был заключен Тордесильяский договор. Согласно этому договору в 1770 милях к западу от Канарских островов, по меридиану от полюса до полюса, проводилась демаркационная линия между испанскими и португальскими владениями. Все что находилось к западу от этой линии, как то, что уже было открыто, так и то, что еще предстояло открыть, принадлежало Испании. Соответственно все известные и еще неизвестные земли вне Европы к востоку от этой линии, объявлялись португальскими владениями.

Хотя в 1497 году состоявший на службе у английского короля Генриха VII итальянский мореплаватель Джованни Кабото (более известный как Джон Кабот), совершил собственное трансатлантическое плавание и достиг Ньюфаундленда, ни Англия, ни Франция, ни другие европейские страны, до определенной поры не проявляли интереса к Новому Свету. Испания на протяжении целого столетия была, по сути, единственным европейским завоевателем Америки. И это было великое завоевание, предпринятое сравнительно небольшими силами, грандиозное по достигнутым результатам, и судьбоносное по последствиям. Оно изменило до неузнаваемости Новый и оказало определяющее влияние на Старый Свет.

Почему же именно Испания? Испания (если не считать Португалии) – это крайняя западная европейская полуостровная страна, как кажется, самой природой вынесенная в Атлантику. Испания ближе к Западному полушарию, чем другие европейские страны. И выглядит вполне логичным, что именно ее мореплаватели первыми достигли берегов Америки. Однако, всего этого было, разумеется, недостаточно для того, чтобы построить колониальную империю и причины первенства испанцев лежали не только в области географического детерминизма. За покорением Америки стояла и воля испанских королей, и миссионерское подвижничество испанского католического клира. Однако, в еще большей степени, на завоевание Америки оказала влияние социальная структура Кастилии – присутствие большого количества сильных, но при этом ничем не занятых, «лишних» людей.

Всем известно, что конкистадоры завоевали Америку. Кем они были? Само испанское слово конкистадор («conquistador») переводится на русский как «завоеватель». Происходит оно от слова «конкиста», означающего «завоевание». Конкиста для католического населения Пиренейского полуострова не стартовала с открытием Америки. Она, на самом деле, шла уже давно, только называлась не конкистой, а реконкистой (т.е. «обратным завоеванием», «отвоеванием»). Это было медленное, но неотвратимое освобождение Пиренейского полуострова от мавров-мусульман. На протяжении нескольких столетий характер испанцев закалялся в атмосфере религиозной нетерпимости, постоянной опасности и борьбы. Католические королевства Испании, почти уничтоженные при последних Омейядах, с XI века стали потихоньку расправлять плечи. Христиане вгрызались в мусульманские земли, отнимая у мавров один город за другим. Эта многовековая борьба, требовавшая большого количества денег и еще большего количества людей, в XV веке, наконец, завершилась. В 1492 году, за полгода до того как Христофор Колумб отправился в свое первое плавание, пала Гранада. С исламом в Испании было покончено. Но воинственное напряжение, пропитавшее испанское общество, никуда не делось. И в Кастилии, и в Леоне, и в Арагоне, и в других частях объединенного королевства скопилось множество молодых, сильных, смелых и жестоких людей. Эти люди, рекрутируемые для войны с маврами, теперь оказались не у дел и не находили себе никакого применения.

Среди этого, беспокойного и достаточно опасного контингента, было много знатных. Младшие сыновья не имели в Кастилии прав на наследство. Они были исполнены гордости, они были полны амбиций, они имели благородных предков, но они не имели земли и денег, они были униженно бедны и не могли, нигде и никак себя проявить. Нищета и неустойчивость, ожесточает гордые сердца, придает им силы, делает дерзкими. Приблизительно 2% испанцев владело в те времена 90% пригодной для сельскохозяйственного использования земли. Зависимые крестьяне гнули спину на дворян-землевладельцев, но тот, кто имел благородных предков, не мог опуститься до того, чтобы работать на чужей-то земле. Тот, кто считал себя дворянином, но не имел имущества, кроме оружия и доспехов, пылал лютой ненавистью на несправедливый к нему мир. Этим людям нечего было терять. Идальго – так называли их в Испании. В одном лице и благородные маргиналы, и сбивавшиеся иногда в стаи бандиты, выходявшие на большие дороги, чтобы хоть как-то себя прокормить. В любом случае вооруженные головорезы, неудовлетворенные жизнью. Завоеватели Америки – конкистадоры, происходили в основном из этой среды.

Еще Колумб предложил испанскому правительству отправлять в «Индии» на поселение преступников. Этим решались одновременно две задачи. Сглаживались социальные противоречия в самой Испании, общество избавлялось от наиболее опасных своих членов. С другой стороны, отряды испанских завоевателей в Новом Свете получали весьма способный и, как нельзя более подходящий для стоявших перед ними задач, человеческий материал. Конечно, будет неоправданным упрощением утверждать, что конкисту в Америке делали исключительно бандиты. В Америку испанскими властями посылались не самые низы, даже не крестьяне и не ремесленники, это были люди в основном проникнутые пафосом чести, именно те, кто имел благородное происхождение. Конкистадорами были идальго. Но из-за особенностей испанского общества той эпохи, многие из них были одновременно и отщепенцами, никому не нужными маргиналами, часто авантюристами, иногда садистами.

Поместное испанское дворянство также участвовало в конкисте, имея по сути ту же цель, что и отправлявшиеся в Америку беспоместные идальго – личное обогащение и захват земель. Участвовало в завоевании Америки и католическое духовенство, добычей которого в отличие от конкистадоров становились души индейцев. Католическая церковь, как и светская власть,

горела желанием распространить влияние на новые земли. Миссионеры и проповедники продвигались рука об руку с завоевателями и убийцами. Не все были одинаково безжалостны к индейцам, особенно среди клира, иногда находились люди, относившиеся если не с симпатией, то хотя бы с жалостью к туземному населению. Бартоломе де Лас Касас испанский монах-доминиканец, один из первых епископов будущей Мексики, был потрясен увиденным в Новом Свете. Перу этого монаха принадлежит знаменитый и хорошо иллюстрированный труд «Кратчайшая реляция о разрушении Индий» (исп. «Brevísima relación de la destrucción de las Indias»), где очень подробно, без всякой цензуры, описываются творимые испанскими конкистадорами зверства. Испанские авантюристы сжигали живьем и пытали захваченных в плен индейцев. В основном это делалось в корыстных целях. Грудным детям разбивали головы о стены. Мясо дикарей приравнивалось к мясу животных и использовалось как корм собакам. Бартоломе де Лас Касас после издания книги, на аудиенции у испанского короля Филиппа II, выступил с речью о божией каре, которая может ждать Испанию за творимые ею преступления. Епископ просил принять меры к наведению порядка в Америке и к обузданию всеобщего насилия. Многие из католического клира разделяли его точку зрения. Как и Лас Касас, они полагали, что лояльных туземцев не следует убивать, их просто нужно обратить в католичество.

Завоевание Америки испанцами происходило синхронно с ее открытием. Начало было положено захватом Колумбом островов Карибского моря: Кубы, Гаити (Эспаньолы), Ямайки, Пуэрто-Рико. Столицей испанской Вест-Индии стал город Санто-Доминго на Гаити. Это старейшее из сохранившихся ныне испанских поселений в Новом Свете, первоначально носило название Новой Изабеллы.

Вторым шагом стала высадка на побережье американского континента. В 1509 году испанцы основали колонию на Панамском перешейке. Конкистадоры из команды Васко Нуньеса де Бальбоа вначале исследовали прибрежные земли, а затем, медленно двигаясь на запад, через перешеек, в 1513 году достигли побережья Тихого океана. В том же году морской экспедицией Хуан Понсе де Леона было исследовано побережье Флориды.

Материковые земли к северу от Кубы, тем не менее, до поры до времени, не привлекали внимания конкистадоров. Главной их целью была Мезоамерика. В 1517 году Франциско де Кордова исследовал полуостров Юкатан. В это же время происходит активное экономическое освоение уже захваченных островов Вест-Индии. Создаются энкомьенды, для работы в которых, местных индейцев оказывается недостаточно и из Африки начинают завозиться чернокожие рабы. Еще в 1501 году на Эспаньолу прибывает первая партия с неграми. В 1518 году испанское правительство придает этой практике официальный статус, заключив на ввоз африканских невольников первые асьенто.

Эрнан Кортес талантливый и жестокий идалго, отца которого де Лас Касас охарактеризовал как «мелкого, бедного дворянчика, которого он лично знал», попал в Америку в 1504 году, чтобы принять участие в завоевании Кубы. В 1517 году Кортес слышит о воинственном и скопившем несметные богатства народе мешико, проживающем где-то на западе от Юкатана, во внутренних районах американского континента. Этот народ «мешико», мы знаем как ацтеков. Столкновение испанцев с империей ацтеков было, вероятно, наиболее драматичным и ярким эпизодом покорения ими Америки.

Подошедший к Теночтитлану поздней осенью 1519 года испанский отряд численностью в 500 человек, во главе с Кортесом, ацтеки встретили доброжелательно. Невиданные доселе люди, некоторые из которых были конными, а всадника и его лошадь индейцы поначалу принимали за одно существо, вне всяких сомнений, были посланы в Теночтитлан богами. Сам Эрнан Кортес был богом Кецалькоатлем, появления которого ацтеки давно ожидали. Хитрый

идадьго быстро сориентировался в обстановке и сыграл отведенную ему ацтеками роль. Испанской миссии были вручены богатые подношения, в том числе и огромный, размером с колесо фургона, диск золота.

Проникнув в густонаселенный Теночтитлан, европейцы с помощью обмана, захватили императора Монтесуму, чтобы потребовать за его освобождение большой выкуп. Но вместо выкупа, они подверглись нападению ацтеков. Силы сторон не были равными. Из 508 человек находившихся в распоряжении Кортеса при высадке на побережье, по свидетельствам источников, 200 были кубинскими индейцами, оставшиеся были испанцами. Значительную часть испанцев – 109 человек составляли сошедшие на берег экипажи кораблей. Корабли, которые доставили с Кубы отряд Кортеса, тот приказал сжечь. Кавалеристов было всего 16 человек, правда у испанцев имелось 10 тяжелых и 5 легких пушек. Население Теночтитлана по оценкам историков на тот момент составляло от 60000 человек до 600000 человек. Последние цифры, безусловно завышены, хотя бы потому, что Теночтитлан имел весьма ограниченную площадь, располагаясь на острове посреди озера Тескоко, а с берегом был связан дамбами и мостами.^{3 4 5}

Ацтеки имели лучшую среди народов Мезоамерики армию. Воины были вооружены длинными копьями и плетеными щитами, а также рубящим оружием, изготовленным с использованием вулканического стекла – обсидиана. Обсидиановые пластины, острота которых превосходила остроту испанских клинков, тем не менее, были хрупкими на излом. Первоначальной войсковой единицей у ацтеков был отряд из двадцати человек. Несколько таких отрядов объединялись в более крупные формирования в 160—200 человек, а те, в свою очередь, в еще более крупные соединения. Следствием многочисленных войн, которые вели ацтеки, было сокращение количества взрослых мужчин, но с другой стороны, богатый боевой опыт повышал их военные качества. Мальчики, как у спартанцев, с самого раннего детства проходили интенсивную физическую подготовку и обучались владеть оружием в тренировочных боях (деревянными дубинками и щитами). Ацтеки были в буквальном смысле помешаны на элементах военной символики, у них существовали элитарные военные ордена: Орла, Оцелота, Ягуара. Отряды отличались штандартами и гербами, предводители имели отличия в экипировке, а боевые команды в сражении отдавались с помощью барабанов. Проявлением особой доблести для ацтекского воина всегда было не убийство врага, а захват его в плен. Войны велись не с целью завоевать новые земли, распространить или усилить политическое влияние, а с целью добыть как можно большее количество пленных. Пленные были необходимы для ритуальных жертвоприношений.

Испанцы при нападении на них ацтеков отступили во дворец Ашаякатла и держали там круговую оборону, эффективно используя огонь пушек и мушкетов, а также всадников для контратак. Конкистадоры понесли серьезные потери уже при прорыве из Теночтитлана (так называемая, «Ночь печали»). Несмотря на то, что Кортес сумел вывести часть своих людей из ацтекской столицы, совокупные потери (убитые, раненые, попавшие в плен), по некоторым оценкам, могли достигать $\frac{3}{4}$ от его первоначальных сил. Положение отважного и предприимчивого идадьго усугублялось еще конфликтом с губернатором Кубы. Экспедиция в Теночтитлан была предпринята Кортесом в нарушение полученного от испанского губернатора приказа, и последний выслал с Кубы карательный отряд численностью в 800 человек. Доставленный на юкатанское побережье на 18 кораблях, этот отряд был, тем не менее, на удивление легко разгромлен Кортесом (перешел на его сторону?), а его люди, взятые в плен, были использованы для восполнения потерь понесенных конкистадорами.

³ Разин Е. А. История военного искусства XVI – XVII вв. – СПб., 1999. – С. 654.

⁴ Морган. Древнее общество. – Л., 1948. – С. 114.

⁵ Уильям З. Фостер. Очерк политической истории Америки. – М., 1955. – С. 35.

В 1521 году, проведя необходимую дипломатическую подготовку, Эрнан Кортес выступил во второй поход на Теночтитлан. Большую часть его армии на этот раз составляли индейские воины из враждебных ацтекам племен. Силы самих испанцев, также выросли до приблизительно 1000 человек, при 86 кавалеристах и 12 орудиях. Кортесом для осады Теночтитлана, располагавшегося на острове, был построен флот из легких галер. Небольшие корабли были разобраны и на плечах индейских носильщиков доставлены к озеру Тескоко. Борьба за столицу ацтеков носила упорный характер и растянулась на несколько месяцев. Начатая в мае 1521 года, она завершилась лишь в августе, при этом, по-видимому, решающее значение для сдачи города имели распространившиеся в нем голод и эпидемии. Возглавлявший ацтеков Кваутемак предпринял одной из августовских ночей попытку покинуть город. При переправе через озеро Тескоко его индейские пироги были настигнуты испанской галерой. Оставшись без лидера, Теночтитлан вскоре пал. Ацтекский город был разрушен европейцами. Основанный на его месте новый испанский город получил название Мехико.⁶

Кваутемак, последний правитель кровавой ацтекской империи, почитается теперь в Мексике как национальный герой. Его судьба после пленения была трагической. С задачей выяснить происхождение ацтекского золота, Кваутемака жестоко пытали, затем держали в заточении, а во время похода Кортеса в Гондурас, убили, избавившись от него как от обузы.

К сожалению, у ацтеков не было такого количества золота, которое ожидали найти в их землях испанцы. Зато пришельцы устали подсчитывать человеческие черепа, нанизанные подобно бусам на цомпатли – специальные стойки, с кольями и жердями, где эти черепа выставлялись. Некоторые из установленных ацтеками на цомпатли голов (хотя и очень редкие) были головами лошадей и самих испанцев.

Жажда золота, управляла конкистадорами и в их последующих предприятиях в Америке, но только во времена Филиппа II (1556—1598) испанского короля, сына и наследника Карла V, эта жажда была более или менее утолена. Как ни парадоксально, это имело отрицательные последствия для самой Испании. Несмотря на то, что доходы королевской казны за счет вывозимых из Америки драгоценных металлов при Филиппе II увеличились многократно, в самой Испании это привело к так называемой «революции цен». Ввиду появления на рынках метрополии больших объемов золота и серебра, покупательная способность золотых и серебряных монет резко упала. Товаров в отличие от денег не стало больше. Цены росли, росли и налоги. Огромные суммы из королевской казны отпускались на войны в Европе, которые для поддержания своего статуса великой державы вела в то время Испания. Денег из казны тратилось много, и тратились они, как правило, неэффективно, не принося положительных результатов. Чего стоило хотя бы строительство бесславно погибшей Непобедимой армады? Подавляющее большинство населения Кастилии, Арагона, и вошедшей в состав империи Филиппа II Португалии не ощутило положительного эффекта от разграбления Америки. Напротив, учитывая рост налогов и галопирующую инфляцию, простое население еще сильнее обнищало. Испанская знать имевшиеся у нее средства предпочитала вкладывать в казенные долговые обязательства, удовлетворявшиеся за счет вывозимого из Америки серебра. Реальный сектор испанской экономики при этом практически не развивался. Испания ничего не производила. Испания лишь потребляла, из Америки она вывозила ресурсы, а из других стран Европы – мануфактурные товары.

Экстенсивная система хозяйствования была бомбой замедленного действия. Уже в начале XVII века она подорвала европейскую гегемонию Испании, а в течение последую-

⁶ Разин. Е. А. Указ. раб. – С. 663.

щих столетий, привела Испанию к поражению в конкурентной борьбе с другими европейскими государствами. Но это случится потом, еще очень не скоро, поэтому XVI столетие можно было с полным на то правом, именовать испанским «Золотым веком».

Приблизительно начиная с 1540-ых годов, Новый Свет перестал быть экономической обузой для Мадрида, приносившей королевской казне только убытки. Начали осваиваться серебряные месторождения в Гуанахуато и Сакатакосе в Мексике, а также в Потоси (Перу). На завоеванных Эрнаном Кортесом землях в 1535 году учреждается вице-королевство Новая Испания. В состав вице-королевства со временем, войдут земли современной нам Мексики, южные и западные области современных нам США (штаты Флорида, Луизиана, Техас, Нью-Мексико, Аризона, Калифорния), а также земли небольших Центральноамериканских стран (Никарагуа, Белиз, Гватемала). Тем не менее, львиную долю богатств от разграбления Америки, Испании приносила вовсе не Новая Испания, а Перу. Вице-королевство Перу было создано в Южной Америке в 1542 году.

Завоевание Южноамериканского континента началось в 1524 году, практически сразу же после уничтожения империи ацтеков, но было связано не с именем Кортеса, а с именем другого предприимчивого и безжалостного конкистадора – Франсиско Писарро. Франсиско Писарро имел по отцовской линии благородных предков, но в детстве был брошен своим отцом – Гонсало Писарро, служившим капитаном терции в итальянских войнах, и имевшим за свою жизнь кроме законных жен, еще и сожительниц и, как следствие, многочисленное внебрачное потомство. Гонсало Писарро не признавал Франсиско своим сыном, мальчик рос брошенным. Он не обучался грамоте, жил среди крестьян и пас свиней до тех пор, пока не повзрослел. Повзрослев, он пошел по стопам отца, завербовавшись солдатом в Италию. Вернувшись домой, в испанскую Эстремадуру, и не найдя себе никакого применения в мирной жизни, не имея у себя на родине никаких перспектив, он в 1502 году отправился в Новый Свет.

Франсиско Писарро, таким образом, можно считать современником Кортеса. Имя Писарро время от времени мелькало в испанских реляциях посвященных событиям в Вест-Индии, и первое время, насколько можно судить, он находился в окружении испанского мореплавателя Алонсо де Охеды. Отправной точкой завоевания испанцами Южной Америки стал выход команды де Бальбоа на западное побережье Панамского перешейка. В 1519 году на берегу Тихого океана было заложено поселение, ставшее со временем городом Панамой – столицей одноименного государства. Уже через несколько лет после основания, Панама превратилась в главную базу снабжения испанского завоевания Перу. Завоевание это было удивительно тем, что осуществлялось совершенно ничтожными силами. Завоевание Южной Америки не было связано с завоеванием Мексики, военный театр находился намного дальше, был протяженнее, а людей у Писарро было на порядок меньше чем у Кортеса.

Американский континент времен испанской конкисты знал не одну только ацтекскую империю. Кроме ацтеков развитую цивилизацию имели еще и инки. Существует мнение, что инки в технологическом отношении превосходили ацтеков, во всяком случае, у них была развита металлургия. Наконечники копий, навершия маканов (палиц) и топоры инки делали из сплава меди и олова и, как говорят, даже научились закалять этот сплав до твердости железа. Не хуже, чем у мезоамериканских индейцев была развита строительная техника, передовой для своего времени была система дорог. Проложенные параллельно, вдоль побережья в высокогорной местности эти дороги имели стратегическое значение для инкской империи. «Дети солнца», как называли себя сами инки, владели поистине огромной территорией, растянувшейся с севера на юг на 4800 км, а в широтном направлении с запада на восток на 800 км. Инки составляли лишь небольшую часть населения Южной Америки, они были лишь завоевателями, своего рода индейскими «римлянами». Развитая система дорог, позволяла армиям инков быстро передвигаться по землям покоренных ими народов, связывала их горную, вытянутую в меридиональном направлении страну в единое целое. Население империи инков, ко

времени появления там испанцев, как принято считать, насчитывало несколько миллионов человек.

В ноябре 1524 года из Панамы, всего на одном корабле, с экипажем в 114 человек вышел и взял курс на юг Франсиско Писарро. Писарро действовал при поддержке другого испанского авантюриста Диего де Альмагро. Но Альмагро не смог набрать достаточного количества людей, поэтому выход его корабля откладывался. Концессионер со своим вооруженным отрядом на втором корабле должен был присоединиться к Писарро позднее.

Плавание Писарро проходило медленно, из-за встречных ветров, недостатка продовольствия и вообще плохой организации похода. Это плавание сопровождалось продолжительной стоянкой на Жемчужных островах, гибелью не менее тридцати человек команды от болезней и ропотом оставшихся, требовавших от Писарро возвращения в Панаму. И все же высадка на южноамериканский континент состоялась. В феврале 1525 года, в районе устья реки Жуан, с корабля было замечено большое индейское поселение. Сошедший на землю испанский отряд нашел поселение оставленным. Отряд разделился. Писарро отправил одного из своих подручных, капитана Монтенегро с частью сил на разведку, сам же остался на месте. Вскоре предводитель испанцев был атакован индейцами. Его крохотный отряд выдержал несколько атак. Индейцы забрасывали конкистадоров дротиками и стрелами, но испанские стальные кирасы и шлемы показали себя великолепно. На следующий день индейцы изменили тактику и с помощью притворного отступления сумели нанести поражение отряду Писарро, который как сообщают источники, потеряв многих своих людей, попал к индейцам в плен. Однако, ненадолго. Ситуацию поправил вернувшийся из рекогносцировки капитан Монтенегро. Праздновавшие победу туземцы не ожидали нападения и были разбиты. Окончательная победа, таким образом, досталась испанцам. Все ценное, что смогли найти авантюристы, они погрузили на свой корабль и взяли курс на Панаму. Вскоре на этом же самом месте, со своим отрядом конкистадоров из 60 человек, высадился Альмагро и закрепил достигнутый Писарро успех.⁷

На следующий год Франсиско Писарро и Диего де Альмагро, на двух кораблях с двумястами человек вооруженной команды снова высадились в устье реки Жуан. Земли оказались брошенными. Не обнаружив там достаточного количества продовольствия, испанцы продолжили исследование южноамериканского побережья, и один из их кораблей достиг далеко на юге, района современного города Тумбеса. Испанцы увидели засеянные поля. Это были земли инков. Инки в отличие от индейцев реки Жуан радушно приняли испанцев и показали им свои богатства. Писарро, остался доволен увиденным, и поспешил вернуться в Панаму. Вскоре он отплыл в Испанию и на аудиенции у испанского короля и императора Священной Римской империи Карла V рассказал об открытых им новых землях. Бывшего свинопаса Карл V возвел в дворянское сословие и назначил его аделантадо (исп. «adelantado» – «первопроходец»), данный титул носили конкистадоры, официально уполномоченные испанским королем на завоевание новых земель. Титул аделантадо получил и Диего де Альмагро.

Походы 1524—1526 годов, предпринятые Франсиско Писарро и Диего де Альмагро, были, таким образом, лишь разведывательными походами. Кампанию, имевшую своей целью завоевание инкской империи испанцы под предводительством Писарро, осуществили в 1531—1533 годах. Это их предприятие носило, по-преимуществу, военный характер, хотя и не исключало элементов дипломатии. Несмотря на то, что эта экспедиция также была предпринята весьма ограниченными силами, завершилась она быстрым и громким успехом. Гигантская империя инков обрушилась от удара испанцев, а многотысячная инкская армия не оказала кон-

⁷ См.: Разин. Е. А. Указ. раб. – С. 673.

кистадорам почти никакого сопротивления. Для всего этого, как оказалось, было достаточно с помощью хитрости захватить инкского императора Атагуальпу. Атагуальпа пообещал за свою свободу наполнить для испанцев одну комнату золотом, а две другие комнаты серебром. И все это действительно было сделано (в историю данное событие вошло как «Выкуп Атагуальпы»). Однако, по приказу Писарро инкского императора все равно умертвили, задушив гарротой.

От инков отложились покоренные ими ранее индейские племена. Дали знать о себе и старые трения внутри инкской правящей верхушки. После убийства Атагуальпы конкистадоры беспрепятственно захватили столицу империи город Куско. Писарро желая использовать конфликт внутри инкской правящей семьи, назначил новым верховным инкой Манко. Манко был братом Гуаскара, другого инкского вождя, убитого до этого Атагуальпой. Манко, несмотря на то, что был обязан испанцам «коронай», в 1536 году возглавил индейское восстание против конкистадоров. Он облачился в испанские доспехи и разъезжал в таком виде на коне, пока его люди забрасывали осажденный Куско, обернутыми просмоленной ватой подогретыми камнями, чтобы вызвать в городе пожары. Испанцы отбились. Манко убили. Это окончательно сломило силы индейского сопротивления, началась наиболее драматичная фаза испанской колонизации, сопровождавшая повсеместным разграблением и насилиями. Писарро принадлежит честь основания новой столицы Перу – города Лимы (1535). Лима – «Город королей», была построена с использованием невольничьего труда десятков тысяч индейцев. Город возвели в рекордно короткие сроки. Уже через несколько лет после ее основания, Лима стала главной базой испанцев на всем западном побережье Америки.

Следует добавить, что, не сумев поделить захваченного, Писарро и Альмагро поссорились. Да так, что Писарро убил Альмагро. Однако, в скором времени был убит и сам Писарро, пал от рук близких Альмагро заговорщиков. Выиграла от всего этого испанская корона. Обнаруженные в Перу месторождения драгоценных металлов на протяжении полутора-двух столетий наполняли королевскую казну золотом и серебром. Богатства из Лимы вывозились на кораблях (вдоль западного побережья Южной Америки). Они доставлялись в Панаму, затем посуху переправлялись на противоположную сторону Панамского перешейка и уже оттуда на океанских галеонах через Карибское море уходили в далекую Испанию. Некоторые из груженых серебром и золотом испанских галеонов потерпели крушение и вплоть до настоящего времени лежат со всем содержимым на дне океана. Некоторые из «золотых» галеонов, несмотря на вооруженную охрану, были захвачены в Карибском море пиратами. Выходило так, что испанцы грабили индейцев, в то время как другие европейцы (французы, голландцы, англичане) грабили испанцев. Участившиеся нападения европейских пиратов на одиночные испанские корабли, заставили испанское правительство, для защиты своих коммуникаций от корсаров, в 1561 году ввести систему конвоев.

Конкистадоры в короткие сроки наводнили большую часть Южной Америки, они проникли на восток (вглубь континента) и пробрались далеко на юг. В 1537 году испанцы основывают колонии у залива Ла-Плата (Буэнос-Айрес) и на реке Парагвай (Асунсьон). Годом позже на противоположном конце материка конкистадор Гонсало де Кесада основывает Боготу. В 1541 году завершается путешествие через Амазонию Франциско де Орельяно. Испанцы через непролазные джунгли, выходят к Атлантическому океану. В том же году, в Чили, закладывается Сантьяго.

В Северной Америке дела у испанцев шли не так хорошо. Однако, и там испанцами были предприняты походы на территорию современных Соединенных Штатов Америки. Экспедиция Франсиско Васкеса де Коронадо (1540—1542) открыла Большой Каньон. Конкистадоры искали золото легендарных «Семи городов Сиболы». По распространенному в средневековой Кастилии поверью, во время арабского завоевания семь вестготских епископов сели на корабли и отплыли на запад, где достигли какой-то земли и основали семь городов вымощенных золотом. В 1542 году испанец Хуан Кабрильо исследовал Калифорнию. В это же время, в 1539—

1542 года, еще один конкистадор, продолжая свой поход на север Мексики, вышел к рекам Теннесси, Арканзасу и к плато Озарк. Имя этого конкистадора Эрнандо де Сото. Земли, которые открыл этот человек, сейчас входят в состав штатов Джорджии, Алабамы, Теннесси, Миссисипи и Арканзаса. Испанцы столкнулись на севере с большими сложностями из-за удаленности региона, и отсутствия удобных морских путей. Не обнаружив там ничего ценного, они приняли решение не форсировать колонизацию этих земель и не стали основывать на севере постоянных поселений.

Первое постоянное европейское поселение на территории современных США появилось лишь в 1565 году. Это был Сан-Агустин во Флориде. Город был заложен Педро Менендесом де Авилесом по распоряжению испанского короля. К этому времени уже была завершена колонизация Вест-Индии, активно шло освоение земель Новой Испании, а также Перу. В испанской Америке складывалось новое общество, основанное на кастовых началах. На вершине общественной пирамиды находились пенинсулары – это были испанцы, родившиеся на Пиренейском полуострове и переехавшие жить в Америку. За пенинсуларами шли креолы – тоже испанцы, но только рожденные в Америке. Пенинсулары и креолы составляли класс землевладельцев – привилегированную часть испанского колониального общества. Промежуточное социальное положение занимали становившиеся все более многочисленными метисы – люди, в чьих жилах текла смешанная испанская и индейская кровь. Социальные низы составляли туземцы и чернокожие рабы.

Вопреки иногда озвучиваемому мнению, испанское общество XVI века не было более терпимым к коренному населению Америки, чем англосаксонское общество в XVII – XIX столетиях. Сохранилось слишком много свидетельств того, что конкистадоры в буквальном смысле не считали индейцев за людей. В том, что туземцы на завоеванной испанцами территории приняли правила игры своих завоевателей и адаптировались к навязанному им образу жизни, было заслугой прежде всего испанских католических миссий. Церковь вела, если так можно выразиться, свое собственное завоевание Америки. Дикарь, обращенный в католичество, переставал быть дикарем. Очевидно, что роль католической церкви в колонизации Америки была не менее значимой, чем роль самих конкистадоров. Без церкви Испания просто-напросто не смогла бы переварить завоеванного.

Англия после открытий Христофора Колумба

Ваши овцы, обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города.
Томас Мор. «Утопия».

Решающая роль в колонизации Северной Америки принадлежала, тем не менее, не Испании, эта роль принадлежала Англии, или если выразиться точнее – выходцам из Англии. Исторически так получилось, что Англия едва ли не последняя из морских держав XVI – XVII веков присоединилась к исследованию и освоению Нового Света. Испанские и французские авантюристы, одни в поисках золота, другие в целях учреждения выгодных концессий для торговли пушниной уже исследовали внутренние районы Северной Америки, когда на восточном побережье континента начали расти и развиваться первые английские поселения. Характерной особенностью колонизации англичан, ее отличием от колониального движения испанцев и французов, было то, что английская колонизация имела социальный характер. Для лучшего понимания этого феномена следует вспомнить слегка видоизмененные Карлом Марксом слова Томаса Мора о том, что в Англии «овцы ели людей». В Англии овцы действительно «поедали людей» и это вынуждало многих из них, спасать свои жизни бегством в Америку.

История Англии Нового времени и история тринадцати английских колоний в Северной Америке до приобретения ими независимости, неразделимы. Неразделимы история Англии времен Георга III и история американской Войны за независимость. Между американской колониальной историей и современной ей историей Англии нельзя провести границу. Рассматривать их в этот период следует совместно, иначе мы рискуем упустить из вида диалектическую нить, связующую в единое целое исторический процесс.

Во времена открытий Колумба, на политической карте Европы, Англия занимала очень скромное место. Островная страна большую часть своей средневековой истории не была в истинном смысле слова островной. Вслед за покорением Англии Вильгельмом Завоевателем и после династического союза короля Генриха II Плантагенета и Алиеноры Аквитанской, английские монархи выступали держателями обширных земель во Франции (так называемая «Анжуйская империя»). Английские короли не часто появлялись в Лондоне, да и вообще в Англии, они предпочитали говорить на латыни и на французских наречиях. Собственно островная часть их владений, в это время была чем-то вроде довеска к богатым и густонаселенным землям во Франции. Успехи начала и середины Столетней войны (сопровождаясь серией побед стойкой валлийской пехоты над французской рыцарской конницей), привели к тому, что значительная часть современной Франции оказалась в руках английских монархов.

Английские короли, домогавшиеся прав на французский престол, казалось, должны были окончательно переместить центр тяжести их политики в сторону континента. Но, уже к середине XV века ситуация коренным образом изменилась. Вслед за появлением на полях сражений «Орлеанской девственницы», последовало поражение Англии в Столетней войне. Англия погрузилась во внутренние разборки и затворилась в себе. Неудачи на завершающей стадии Столетней войны привели к утрате англичанами всех их французских владений, за исключением небольшого Кале. Мрачное, но выдающееся с точки зрения результатов, правление Людовика XI, этого хладнокровного и расчетливого собирателя французских земель, превратило Францию в ведущую европейскую державу. Испания еще не была к тому времени объединена, а Англия, волей исторических судеб была низвергнута в пучину гражданской Войны Алой и Белой розы. Соперничество Ланкастеров и Йорков привело к утрате англичанами остатков их влияния на континенте. Англия ограничивалась теперь одной только Англией, она ослабела, но вместе с тем королевство стало приобретать, если так можно выразиться, более национальный характер. Английская знать оторвалась от французской культуры и в определенном смысле стала ближе к народу.

Событием, через которое пролегает граница между Средневековьем и Новым временем в английской истории служит битва при Босворте (1485 г.). Генрих Тюдор благодаря измене в лагере Ричарда III выиграл это небольшое даже по средневековым меркам сражение. Завладев английской короной, Генрих VII проводил достаточно осторожную внешнюю политику, он как огня боялся участвовать в союзах, которые могли вовлечь Англию в очередную войну на континенте. И это было абсолютно верным решением, так как обескровленная после полувековой гражданской войны и сравнительно малонаселенная Англия, не была в то время способна ни на что иное, кроме как безучастно наблюдать за европейскими дрязгами со своей стороны Канала.

Откровенно говоря, Генрих VII Тюдор имел сомнительные права на английский престол, и было бы даже правильным назвать его узурпатором. Генрих сосредоточился на внутренних проблемах своего королевства, имея лишь одну цель – удержать захваченную им на Босвортском поле власть и основать в Англии новую династию. С этой целью тудоровская пропаганда изо всех сил работала над очернением образа любимого народом, но не английской аристо-

кратией, Ричарда III Йорка. Павшему на Босвортском поле королю было задним числом приписано убийство племянников и многие другие злодеяния. В то же время Генрих женился на племяннице Ричарда – дочери его старшего брата Эдуарда IV Елизавете Йоркской. Этот брак должен был примирить с Генрихом все еще многочисленных сторонников Йорков. Политическим следствием такого союза, стало относительно спокойное (разумеется, в сравнении с предшествовавшим периодом) правление Генриха Тюдора, а его династическим плодом – несколько здоровых детей, и в том числе трое мальчиков – Эдмунд, Генрих и Артур. Верный своей стратегии политических браков Генрих VII договорился о союзе старшего своего сына и наследника Артура с одной из дочерей католических королей Изабеллы и Фердинанда – Екатериной Арагонской. Но Артур вскоре умер и партию срочно переиграли, выдав девушку за Генриха, второго сына английского короля. В 1509 году после смерти отца этот молодой человек вззошел на английский престол под именем Генриха VIII Тюдора (1509—1547).

Генрих VIII, как поговаривали, пошел в мать: рослый, сильный и здоровый от природы, настоящий король-воитель, он являл контраст со своим отцом, отличаясь от предшественника почти во всем. Генрих VII, тихий, чахлый, расчетливый, проницательный, осторожный, был английской копией Людовика XI. Он искусно плел свою политическую паутину и Английское королевство, не знавшее за время его правления внешних войн (если не считать короткой кампании англичан при Кале и неудачного шотландского вторжения), на момент вступления на престол Генриха VIII имело набитую деньгами казну и устойчивую политическую систему. Редко какое вступление нового государя на английский престол возбуждало в народе такие большие ожидания, как коронация Генриха VIII. Даже самые непримиримые враги нового короля, такие как, например, Реджинальд Пуол впоследствии признавали, что характер государя в самом начале его правления «давал основания ожидать всего лучшего». К физическому превосходству над окружающими, как многим казалось, добавлялся широкий и живой ум, а присущее юному Генриху остроумие и начитанность вызвали удивление даже у такого мастера утонченно мыслить, как Эразм Роттердамский.^{8 9}

Генрих VIII, жаждавший славы и расширения своей власти, почти сразу же после вступления его на престол отступил от осторожной изоляционистской политики своего отца. Англия, если оценивать ее на фоне ведущих европейских держав, была по-прежнему слаба. Слаба в первую очередь демографически. Население королевства в начале XVI в. по разным оценкам составляло от 2,5 до 4 миллионов человек, в то время как население Франции приближалось к 15 миллионам, а население объединившейся к тому времени Испании составляло 10 миллионов. Традиционными врагами англичан были французы, и французы к концу XV века были сильны как никогда. Разрастание владений французских королей – приемников Людовика XI, вызывало как зависть, так и страх на северных берегах Ла-Манша. Но поделаться с ростом и усилением Франции англичане ничего не могли, до тех пор, пока на европейской шахматной доске не появилась новая фигура – Испания.¹⁰

При королях Карле VIII и Людовике XII внешнеполитические усилия французов были сосредоточены на завоевании Италии. В этом своем движении они столкнулись с интересами Фердинанда Арагонского, одного из создателей объединенной Испании и также с интересами Габсбургов – австрийского правящего дома, чьи представители, как правило, становились императорами Священной Римской империи. Осторожный Генрих VII не принимал участия в итальянских войнах на стороне антифранцузской коалиции, но он антифранцузской

⁸ Реджинальд Пуол (1500—1558) – сын принцессы Маргариты (дочери лорда Кларенса) и Чарльза Поула, графа Солсбери. Реджинальд имел личные мотивы ненавидеть Генриха VIII, казнившего по надуманному обвинению в измене его 68-летнюю мать.

⁹ Грин Д. Р. История Англии и английского народа. – М., 2014. – С. 320.

¹⁰ См.: Блэк, Дж. История Британских островов. – СПб., 2008. – С. 151.; Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании. – М., 2016. – С.23.

коалиции определенно сочувствовал и по этой причине инициировал сближение своей страны с Испанией. Молодой и горячий Генрих VIII пошел дальше отца, он вступил с испанцами в военный союз, направленный против Франции. Тон в этом движении, по-прежнему задавал Фердинанд Арагонский, породнившийся не только с Тюдорами (через брак дочери Екатерины Арагонской и Генриха VIII), но также и с Габсбургами. Кроме Англии, Испании и Священной Римской империи в антифранцузскую коалицию вошли мелкие итальянские государства, а сам военный союз получил название «Священной лиги», так как был поддержан папой.

Помощью английской армии в 1511 году высадившейся у Фонтарабии, чтобы вторгнуться в Гиень, Фердинанд Арагонский воспользовался для захвата Наварры. Однако, английское войско взбунтовалось и уплыло назад. Над англичанами тогда все смеялись. Спустя два года, в 1513-ом, английскую военную экспедицию возглавил сам Генрих VIII. На севере Франции англичанами были осаждены Турнэ и Теруан. В схватке близ Гинегата, французская кавалерия на удивление быстро прекратила сражение и покинула поле боя. Говорили, что у французов мелькали лишь шпоры, которыми они со всей силы кололи лошадиные бока. По этой причине выигранное Генрихом VIII сражение получило название «Битвы шпор». Молодой английский король вполне мог бы торжествовать, и начать свое движение вглубь Франции, если бы добившийся разрешения своих частных задач Фердинанд Арагонский в это время не вышел из союза. О старых английских претензиях на французские земли Генриху на какое-то время пришлось забыть. В 1514 году он заключил с Людовиком XII мирный договор, подкрепив его династическим браком французского короля со своей сестрой. Этот брачный союз, однако, не продлился и года, так как Людовик XII вскоре умер.

Территориальные приобретения Англии на континенте оказались ничтожными. Помимо всего, пока Генрих боролся за Турнэ и Теруан, в английские графства с севера вторглись союзные французам шотландцы. И тем не менее внешнеполитическая активность английского короля дала определенные результаты. По инициативе лорда-канцлера Англии, кардинала Томаса Уолси, в 1518 году, более чем за столетие до знаменитого Вестфальского мира, была предпринята одна из первых попыток в Европе Нового времени выстроить некое подобие «мирового порядка». Был заключен договор, подписанный большинством европейских монархов, а также папой римским, по которому стороны обязались соблюдать всеобщий мир и оказывать помощь любому из участников соглашения, который подвергнется чьей-либо агрессии. Эта интересная попытка сохранить общеевропейский мир, была похоронена уже через два года. В начале 1520-ых военные действия в Европе возобновились, Генрих VIII вновь с упоением сражался во Франции, не добиваясь почти никаких результатов.

Фердинанд Арагонский к этому времени уже умер. Его внук (сын Хуаны Безумной) испанский король Карлос I, в 1519 году принял Габсбургское наследство став императором Священной Римской империи под именем Карла V. Это радикальным образом изменило баланс сил в Европе. И Генрих VIII, и новый французский король Франциск I, оказались перед лицом новой Испании. Над владениями Карла V (напомним, Испания в это время захватывала колонии) в буквальном смысле «не заходило солнце»: Центральная и Южная Америка, Нидерланды, Австрия, Испания, государства Италии. К этому нужно добавить находившиеся в сфере влияния императора германские княжества. Такому геополитическому монстру, как империя Карла V было по силам примерить на себя роль гегемона Европы. По этой причине внешнеполитические интересы Испании в долгосрочной перспективе не могли не вступить в противоречие не только с французскими интересами, но также и с интересами желавшей сохранить свою политическую самостоятельность Англии.

Активная внешняя политика Генриха VIII добавила международного авторитета Тюдорам, но совершенно опустошила королевскую казну. Генрих VII скопил миллионы, Генрих VIII все до последнего пенни истратил на ненужную Англии войну. Решающая роль в английском правительстве в эти годы принадлежала Томасу Уолси, сыну богатого ипсвичского мясника, сделавшего при молодом Генрихе VIII головокружительную церковную карьеру. В 1514 году этот мещанин стал архиепископом Йоркским, год спустя он уже стал архиепископом Кентерберийским (1515 г.) и на протяжении 14 лет, с 1515 по 1529 гг. исполнял обязанности Лорд-канцлера, то есть был первым министром короля. Желая оправдать оказанное ему монархом доверие, Уолси в поте лица выискивал средства на дорогостоящие военные предприятия Генриха VIII. Со времен Иоанна Безземельного и провозглашения Великой хартии вольностей, в Англии утвердилось представительное правление. Король не имел права одной только своей волей вводить в государстве новые налоги. Для увеличения налоговой нагрузки на подданных требовалось созывать Парламент. На созванном в 1523 году Парламенте Лорд-канцлер озвучил королевское требование о принятии нового 20-процентного налога на имущество. Но общины, несмотря на оказанное на них давление, отказались принимать этот закон. Спикером Палаты общин, подставившим подножку королю, был Томас Мор.

Строптивость Общин была преодолена с помощью «одолжений» или говоря иными словами – принудительных займов. У людей именем короля попросту отнимали имущество. Но здесь вспомнили о статуте Ричарда III, которым подобные королевские «одолжения», то есть любые неналоговые поборы, практиковавшиеся ранее, были запрещены. Нарушение королевскими чиновниками закона, беспринципное изъятие у людей их собственности, поставило правительство Уолси на грань катастрофы. Англия бурлила и вот-вот должна была взорваться. Жители Лондона отказывались исполнять требования Генриха VIII, из Кента прогоняли королевских эмиссаров, в Саффолке уже вспыхнуло восстание, мятежом грозили Кембридж и Норич. По всей стране остановилось производство. Мануфактурщики распустили по домам рабочих, а землевладельцы и арендаторы отпустили батраков. Предприниматели утверждали, что не в состоянии были заниматься делом и выплачивать в казну требуемые правительством суммы. Что интересно, приблизительно по тому же сценарию, как реакция на установленные королем в обход представительного принципа налоги, через два столетия, начнут развиваться и события в тринадцати североамериканских колониях.

Генриху VIII в данном случае пришлось отступить под давлением общественного недовольства. До повзрослевшего короля дошло, что надежда на возвращение утраченных по результатам Столетней войны, английских владений во Франции, была всего лишь юношеской мечтой. Карл V захвативший в битве при Павии в плен французского короля Франциска I, отпустил последнего, не совещаясь с Генрихом. То есть испанский король, не выторговал для англичан никаких преференций. Англия от усиления Испании не получала ничего. Карл V раз за разом отклонял предложения Генриха о совместном вторжении во Францию. Габсбург не исполнил также ранее данное им обещание вступить в брачный союз с овдовевшей Марией Тюдор (сестрой Генриха VIII и вдовой Людовика XII). Несмотря на то, что Генрих формально пока еще оставаться союзником Карла, для любого проницательного человека как по ту, так и по эту сторону Ла-Манша, становилось очевидным, что происпанское направление внешней политики Тюдоров, в самом скором времени будет изменено. Эти изменения диктовались государственными интересами Англии. Однако способ, которым в итоге был оформлен англо-испанский развод, предугадать, по всей видимости, не мог никто.

К 1529 году всемогущий и сребролюбивый Томас Уолси попал в немилость. Желая умиротворить разгневанного на него Генриха VIII, он передал королю свои личные богатства, накопленные им на посту Лорд-канцлера, в том числе недавно выстроенный в новом «тюдорском» стиле большой и роскошный дворец Хэмптон-корт. Это не спасло Уолси от ареста. В Лестерском аббатстве, по пути в Тауэр, архиепископ Кентерберийский скончался от приступа дизентерии. Болезнь избавила кардинала от суда и казни. Монахам, которые сидели у его смертного одра, первый министр жаловался на своего короля:

*«Это государь с чисто царственным мужеством скорее, чем отказаться от какого-нибудь желания, рискует половиной своего королевства. Уверяю вас, что мне часто приходилось, иногда по три часа кряду, стоять перед ним на коленях, отговаривая его от прихоти, и все безуспешно».*¹¹

Нереализованной прихотью короля, повлекшей падение Томаса Уолси, была скандальная любовная связь Генриха VIII и одной из фрейлин Екатерины Арагонской, Анны Болейн. Фаворитизм был чрезвычайно распространен при дворах европейских монархов, на внебрачные связи державных мужей с молодыми фрейлинами их супруг, почти всегда, смотрели сквозь пальцы. Но в данном случае ситуация была принципиально иной. Молодая и остроязычная Анна Болейн проявила характер. Анна, насколько можно судить из источников, наотрез отказалась играть роль любовницы короля, и этим разожгла в своем царственном поклоннике еще большую страсть. Генрих от своих чувств к Анне сходил с ума, он в буквальном смысле потерял голову. Единственным способом завладеть душой и телом обожаемой им женщины, было вступить с ней в брак, но для этого следовало развестись с Екатериной Арагонской.

Екатерина Арагонская подарила Генриху VIII пятерых детей, но все они умерли еще в младенчестве, за исключением одной единственной девочки. Эта девочка, названная Марией, была здорова и по английским законам, при отсутствии наследников мужского пола, сама могла наследовать престол. Об этом, тем не менее, как то очень скоро забыли. В вину Екатерине было поставлено именно то, что она не смогла произвести на свет наследника. Генрих инициировал процесс развода. Юридических процедур было две: законная, и не очень. Первая, учитывая монарший статус разводящихся особ, требовала участия в процессе папы римского, вторая, оставляла вопрос на усмотрение английских судов. Генрих по настоятельному совету Томаса Уолси пошел первым путем. Но Екатерина как мы помним, была дочерью Фердинанда Арагонского и приходилась Карлу V теткой. Испанский король, владевший в то время значительной частью Италии, со своей стороны также оказал давление на папу. Понтифик, взвесив все за и против, предпочел навлечь на себя гнев далекого английского короля, чем гнев близкого к нему Карла V. Папа не одобрил развода. Томас Уолси клятвенно обещавший Генриху решить все вопросы с римским престолом, после этого пал.

Ценой вопроса была, тем не менее, не одна только голова первого министра, на кон была поставлена верность Англии католической вере и признание Генрихом VIII духовного верховенства папы. Генрих не был протестантом по своей природе, в первые годы деятельности Мартина Лютера в Германии, английский король оставался ревностным католиком. Об этом свидетельствуют даже его теологические описания. После того как в Европе стал разгораться огонь Реформации, Генрих публично выступил против «раскольников» и даже сочинил трактат «Assertio Septem Sacramentorum», за который получил похвалу от папы и почетное звание «Защитник веры». Но теперь, из-за «упертости» Климента VII в бракоразводном процессе короля, ситуация поменялась на прямо противоположную.

¹¹ Грин Д. Р. Указ. раб. – С. 343.

Протестантов в 30-ых годах XVI века на берегах туманного Альбиона было критически мало, и протестантизм, утвердился в Англии не скоро и не безболезненно. Подводя итог, под религиозными событиями тюдоровской эпохи нужно признать, что во многом именно любовная страсть Генриха VIII к Анне Болейн превратила Англию в протестантскую страну. Факт остается фактом, начало английской Реформации положил бракоразводный процесс Генриха VIII и Екатерины Арагонской.

Королевским актом об ограничении апелляций в 1533 году английская церковь была выведена из под юрисдикции папы. Согласно принятому в следующем, 1534 году Акте о супрематии, главой английской церкви объявлялся непосредственно сам король. Папа римский Климент VII отлучил Генриха VIII от церкви в 1533 году, но самого Генриха такие вещи совершенно не волновали. В 1533 году он, наконец-то, женился на Анне Болейн, к тому времени уже носившей под своим сердцем его ребенка. Анна благополучно разрешилась от бремени, но и она родила девочку, которую назвали Елизаветой. Брак короля с Екатериной Арагонской был признан незаконным, а дети, рожденные в этом браке, незаконнорожденными. Старшая дочь Генриха – Мария Тюдор, таким образом, потеряла права на престол.

Анна Болейн вскружившая голову Генриху VIII, потеряла собственную голову уже через три года. После рождения дочери король недолго сохранял к своей новой жене нежные чувства. К 1535 году его вниманием завладела молодая фрейлина самой Анны, робкая и незлобивая Джейн Сеймур. После того как Анна Болейн вошла в опочивальню короля, до власти наконец добралась ее многочисленная родня. Возвышение Болейнов у многих вызывало зависть и раздражение, и сама Анна, в итоге, стала жертвой придворных политических интриг. Причин ее падения, скорее всего, было несколько и в их числе та, что король просто-напросто охладел к Анне как к женщине. После того, как королева не смогла родить во второй раз (в начале 1536 года у нее случился выкидыш) против Анны были выдвинуты обвинения в колдовстве, инцесте и государственной измене. После короткого процесса суд счел доказанным, что Анна Болейн с помощью привороты овладела умом и помыслами короля. Далее, что она имела неоднократные сексуальные связи со своим родным братом, а поскольку отцом ребенка, которого она потеряла, был не Генрих VIII, королева поставила под угрозу продолжение династии. Это была уже государственная измена. Сожжение живьем, которым в Англии традиционно наказывались женщины за государственную измену, было из милости заменено обезглавливанием. 19 мая 1536 года, в пятницу, на рассвете, во внутреннем дворе Тауэра, напротив Белой Башни, специально приглашенный из Франции палач, отрубил голову Анне Болейн.

Второй брак Генриха VIII, как и первый, был объявлен незаконным, а принцесса Елизавета, «дитя любви», соответственно, была признана незаконнорожденной. Надежды короля на продолжение рода должна была оправдывать теперь Джейн Сеймур. Третья супруга Генриха была тиха как овечка и в отличие от своих предшественниц, действительно произвела на свет наследника мужского пола. Мальчика назвали Эдуардом. Однако сама Джейн плохо перенесла роды и чуть более чем через неделю, скончалась. Генрих, по-видимому, уже не имел фавориток, которых бы он хотел сделать женой и следующий его брак носил все черты политического союза.

Четвертой женой Генриха VIII стала Анна Клевская, дочь герцога Клевского, правителя небольшого немецкого княжества. По правде говоря, для английского короля это был такой же мезальянс, как и два предыдущих брака. По совету первого министра, Томаса Кромвеля, Генрих попытался создать своего рода протестантский противовес враждебным Англии католиче-

ским державам, Испании и Франции. Однако, герцоги Клевские были очень незначительными монархами и кроме того они не был в подлинном смысле слова протестантами, придерживаясь скорее, реформаторского направления в католичестве. Генриху VIII был показан красиво выполненный портрет Анны Клевской, кисти Ганса Гольбейна Младшего. Художественный образ девушки королю очень понравился. Договор о брачном союзе был вскоре подписан, но когда невеста прибыла в Англию и у жениха появилась возможность сравнить портрет с оригиналом, наступило горькое разочарование. Английский король привык руководствоваться при выборе жен личным вкусом, а не политическими интересами и соображениями морали. Анна Клевская ему не понравилась. Говорят, своему ближайшему окружению король объявил, что от немецкой принцессы «исходит вонь, словно от лошади, и что никакая сила не заставит его разделить с ней ложе». Многие свидетельствуют о том, что близости между Генрихом и Анной Клевской действительно не было. Чтобы смягчить ситуацию и сгладить обиду, Анне было даровано почетное звание «сестры короля» (1540), и назначено государственное содержание ее небольшого двора.

Пятой супругой Генриха VIII стала его подданная – Екатерина Говард. Через два года молодой женщине отрубили голову по обвинению в государственной измене. В отличие от Анны Болейн, Екатерина, по всей видимости, действительно изменила уже стареющему королю, вступив в интимную связь с другим мужчиной. Шестой и последней супругой Генриха была Екатерина Парр, женщина, которая прежде чем выйти замуж за английского монарха, уже схоронила двух мужей. Эта сильная дама похоронила и третьего. Сильно располневший, неспособный к самостоятельному передвижению и по некоторым источникам, покрытый зловонными опухолями, 28 января 1547 года, в возрасте 55 лет, Генрих VIII скончался в Уайтхолле.

Предсмертными словами короля как свидетельствуют очевидцы, были слова: «Монахи, монахи, монахи...». Всмотревшись в изображение Генриха VIII Тюдора, кисти неподражаемого Ганса Гольбейна Младшего мы видим на полотне восхитительную, подлинно царственную фигуру. Перед нами предстает богато одетый, здоровый, широкоплечий мужчина, средних лет, с серьезным, и как кажется слегка недовольным выражением прямоугольного лица. Маленькие глазки короля не излучают ничего: в них не заметно ни чувства, ни пронизательности, ни какого-то особенно большого ума, но нет и той ограниченности, которую мы видим на портретах монарших особ у Франсиско Гойи. Генрих VIII выглядит на полотне Гольбейна так, как выглядел бы средний человек, не гений и не дурак, но при этом его осанка и мясистое, очерченное аккуратной бородкой лицо, несомненно, исполнены властности и внутренней силы. Человек инфантильный, то есть оставшийся в душе избалованным ребенком, но при этом имеющий взрослый ум и практически неограниченную власть – таков был Генрих VIII.

К неограниченной власти второй по счету Тюдор пришел не без помощи его ближайших сподручных. Сын мясника Томас Уолси был ненавидим народом и знатью, но этот слуга короля, в том случае, если он не мог противодействовать опасным прихотям его величества, хотя бы не выходил за рамки очерченные законом. Томас Уолси настаивал на участии папы в бракоразводном процессе и пытался испросить у Парламента согласие на повышение налогов. Уолси плохо относился к Парламенту, но стремился соблюсти все традиционные процедуры, полагая себя помимо воли короля связанным еще и духом английских законов. Приемником Уолси стал Томас Кромвель: с 1532 года канцлер казначейства, с 1533 года – государственный секретарь, с 1536 года – Лорд хранитель Малой печати. Томас Кромвель взобрался на самый верх благодаря бракоразводному процессу Генриха и Екатерины Арагонской. Взяв в свои руки

юридическую сторону вопроса, и осуществив незаконный развод, Кромвель, таким образом, дал Генриху VIII то, чего не смог дать Уолси.

О том кем был этот человек, ведутся споры. В окружении короля Томас Кромвель появился уже в зрелые годы. Человек этот не был знатен, это известно абсолютно точно, поскольку знатность позволила бы отследить его родословную. Скорее всего, он происходил из семьи кузнеца из Путни-Хилл, одного из самых криминальных пригородов Лондона. Интересно, что сам Томас Кромвель, достигнув высот и ощущая себя, по-видимому, неподвластным закону, рассказывал многим из своего окружения, что в молодости был головорезом и разбойником. Известно, что он оставлял Англию и принимал участие в итальянских войнах как наемник. Из Италии Кромвель вернулся пропитанный всеми миазмами итальянской политической культуры: скрытный, двуличный, жестокой. Привезя с собой в Англию «Государя» Макиавелли, он, как говорят, сделал эту книгу настольной.

Так чем же отличался Томас Кромвель от Томаса Уолси? – Тем, что он не только не препятствовал проявлениям деспотических черт Генриха VIII, но напротив, всеми силами им потворствовал. Хладнокровный и расчетливый от природы, этот новый канцлер стремился всегда к результату, средства его не интересовали. Эффективность решения стоявших перед правительством задач зависела от возможностей короля. Возможности короля ограничивались его прерогативами. Чтобы власть была по-настоящему эффективной, следовало добиться деспотии, то есть такого состояния, при котором Генрих VIII не был бы связан ни законом, ни волей Парламента. Слабости, капризы, сердечные склонности монарха, были использованы Кромвелем для выстраивания правительственной диктатуры, то есть в интересах самого Кромвеля. Средства достижения абсолютной власти были в духе Макиавелли: обман и тонкое манипулирование людьми, перемежавшееся с насилием.

Нужно заметить, что Кромвелю потребовалось произвести достаточно много политических расправ, прежде чем привести систему английской власти к искомому состоянию. Но результат стоил того. Традиционные английские свободы были задушены. Уолси боялся Парламента, как гнезда вольнодумства и источника сопротивления монаршей воле. При Кромвеле необходимость королевской власти считаться с Парламентом отпала. И Парламент, и суды превратились в политические инструменты правительства, безгласные и безвольные, и то какой акт или какое решение им следовало принять, зависело уже не от них, а всецело от воли, или даже от прихоти Генриха VIII. Древние английские законы, учреждавшие представительный характер правления не были отменены, они были сохранены, но сохранены, единственно, как декорация, как ширма для ничем не сдерживаемого и фактически ничем не ограниченного произвола Генриха VIII Тюдора.

Говорят, что все время правления Кромвеля, балом в Англии правил террор. Если это так, то к этому следует добавить одно замечание. Королевский террор при Кромвеле не был террором ради террора, как в революционной Франции при якобинцах, безумным и неизбирательным, он не был также безудержным кровавым запоем далекой Московии, замешанным на психическом расстройстве русского царя. Нет, это был совсем другой террор: избирательный, продуманный, эффективный, отмеченный административным гением его идеолога. Влияние итальянской культуры ощущалось в тонких, изящных и скрупулезно просчитанных политических комбинациях.

Уничтожение оппозиции лицемерно связывалось с искоренением религиозного инакомыслия, начало которому было положено церковной реформой. Церковная реформа была инициирована в Англии бракоразводным процессом Генриха VIII. Протестантизм был использован не только как способ избавить Генриха от переставшей представлять для него интерес супруги, но и как способ поставить вне рамок закона тех, кто по своим убеждениям противодействовал воле короля.

За актом о запрете апелляций и актом о церковном верховенстве английского монарха, последовал акт (1534), объявлявший государственной изменой не только поступки, но и слова, и в частности отрицание новоприобретенных титулов Генриха VIII. На вид самые безобидные фразы, брошенные в дружеской компании, которыми, однако, ставилось бы под сомнение право короля устанавливать обязательные для его подданных религиозные формулы, объявлялось тягчайшим преступлением. В это время, в Англии была создана чрезвычайно эффективная система шпионажа. Доносы сыпались как из рога изобилия, а королевские суды были скоры на расправу. Изуверские наказания за государственную измену, предписанные законами старой доброй Англии – для мужчин потрошение, для женщин сожжение, по утилитарным соображениям, из-за большого числа преступников, заменялись повешением и обезглавливанием.

Выставлявшиеся на Лондонском мосту головы политических и религиозных оппонентов Генриха VIII не успевали по традиции сгнить, как их сбрасывали с их мест, чтобы установить новые. Самым известным участником парламентской оппозиции, обезглавленным в ту пору, был, конечно же, Томас Мор. Знаменитого на всю Европу гуманиста, философа и ученого казнили в 1535 году. Его отрубленная голова простояла на Лондонском мосту месяц, пока подкупленный дочерью Мора человек, не помог женщине ее похитить.

Основную часть казненных составляли представители сохранившего верность католицизму английского клира. Среди служителей церкви верность папе в основном демонстрировало черное духовенство. Монастыри были уничтожены в два этапа. Вначале были присуждены к закрытию небольшие обители, чей годовой доход не превышал 200 фунтов. Через несколько лет, упразднили крупные монастыри. Процедура была очень болезненной. К строптивым монастырским служителям применялись пытки и казни, а не строптивные были просто разогнаны, пополнив ряды бродившей по английским дорогам армии нищих. Доходы и земли монастырей либо отбирались в казну, либо распределялись королем среди его новых приближенных. Большинство великолепных монастырских строений было разрушено, их наводящие тоску каменные остовы можно увидеть в Англии до сих пор.

Беда не обошла стороной и сливки старой английской аристократии. Поводом к новому витку репрессий послужило восстание, вспыхнувшее на севере королевства. Волновались графства Линкольншир и Йоркшир, а в Норфолке возник заговор Уолсингема. Восставших было много и они под руководством местной знати оказались неплохо организованы. Люди при этом не были настроены против короля. Они выдвигали требования удалить от короля «злых советников» (то есть Томаса Кромвеля), примириться с Римом, и восстановить право наследования английского престола дочери Екатерины Арагонской – Марии Тюдор. Правительственные войска оказались слишком слабы, чтобы подавить это выступление, поэтому власть пошла на хитрость. Восставшим было объявлено об удовлетворении их требований. Но когда аристократы и крестьяне возвратились в свои дома, маски были сброшены. Королевские войска вступили в северные графства. Вожди восстания были схвачены, земля покрылась виселицами. Лорд Дарси, предводитель знати Йоркшира, лорд Гессэ, предводитель знати Линкольншира, взошли на эшафот. Появившийся в Линкольне со своими канониками в полном вооружении аббат Бэрлингский был повешен вместе с тремя другими аббатами. Аббаты Фаунтенский и Жеворский были повешены в Тиберне, бок о бок с представителями рода Перси. Сэра Роберта Констебла прямо в цепях повесили перед воротами Халла, леди Бусемер сожгли на костре.¹²

После замирения севера правительство принялось «наводить порядок» в других областях Англии. Наконец-то обратили внимание на Куртенэ и Поулов, критиковавших советника короля и не признавших развод Генриха и Екатерины Арагонской. Маргариту, графиню Солсбери, дочь герцога Кларенса и наследницу графа Варвика, представлявшую род Невиллов

¹² Грин Д. Р. Указ. раб. – С. 359.

и в то же время приходившуюся племянницей Эдуарду IV заключили под стражу. Третий ее сын, Реджинальд Поул успел бежать в Италию. Томас Кромвель слал ему письма, в которых угрожал тем, что у него и «в Италии достаточно средств, чтобы избавиться от изменившего королю подданного». При этом другие Поулы оставались заложниками в руках короля. Генри Куртенэ, маркиза Экзетера, внука Эдуарда IV, вместе со старшим братом Реджинальда Поула, лордом Монтегю обезглавили на Тауэр-Хилле. Через некоторое время на эшафот была отправлена и леди Солсбери. Так, Генрих VIII избавился от части своих строптивых родственников.¹³

В 1540 году пришло время Томаса Кромвеля. Нет никакого смысла доискиваться причин немилости короля, главным было то, что по решению все чаще впадавшего в хандру, стареющего Генриха, Кромвель должен был умереть, чтобы освободить место для нового временщика. На королевском совете герцог Норфолк, которому было поручено арестовать первого министра, сорвал с шеи последнего орден Подвязки. Лорды, присутствовавшие на совете, разразились в адрес Кромвеля проклятиями. Заслушав стандартные обвинения в измене и поняв, что все кончено, Кромвель попросил лишь о том, чтобы его не держали в тюрьме слишком долго. Через полтора месяца после ареста, 28 июля 1540 года на Тауэр-Хилле Кромвеля обезглавили. Первый министр так и не признал своей вины в измене королю, несмотря на то, что его долго и изощренно пытали.

После падения Томаса Кромвеля первым человеком в правительстве Генриха VIII стал герцог Норфолк. Следующая после Анны Клевской супруга короля, Екатерина Говард, приходилась Норфолку родственницей. Успех Генриха благодаря деятельности Кромвеля был грандиозным, монарх не знал ограничений ни в чем, достигнув наивысшей ступени могущества. Король был властителем жизни своих подданных: жить или умереть тому или иному человеку зависело исключительно от него. Парламентом был издан эдикт, приравнивавший королевские указы к законам. Королевские «одолжения» по мере необходимости дополняли введенные парламентом налоги. Формы богослужения и религиозные обряды, устанавливались по капризам короля, Генрих единолично решал, что есть правильное в духовной сфере, а что есть ересь. На заседаниях парламента при каждом упоминании имени монарха депутаты дружно вставали и кланялись пустому трону.

Падение Кромвеля, послужило предвестием существенных изменений в религиозной политике Генриха VIII. Эти изменения можно было охарактеризовать как «антипротестантскую реакцию». Еще в 1539 году по инициативе короля был издан Акт «О шести статьях» направленный против крайних проявлений протестантизма. Король считал, что пришло время вернуться к активной международной политике. Англия вновь начала сближение с католическими странами. На континенте католические силы, в то время олицетворял, прежде всего, испанский король. Хрупкий политический союз между Генрихом VIII и Карлом V был, в скором времени достигнут. Англия возобновила боевые действия во Франции.

Начало преследований английских протестантов было предопределено, таким образом, изменением внешнеполитического курса Генриха VIII. А юридическим основанием для новых религиозных репрессий послужил упомянутый выше Акт «О шести статьях». Первая его статья подтверждала католическое учение о пресуществлении. Пресуществление (лат. «transsubstantiatio») – это богословское понятие, используемое в таинстве Причастия для описания превращения хлеба и вина в Плоть и Кровь Христову. Протестанты это учение отвергали. Отрицание пресуществления теперь было провозглашено ересью и за него начали сжигать. Следующие пять статей, возвращали в религиозную практику английской церкви раз-

¹³ Там же.

личные католические обряды (безбрачие духовенства, исповедь и т.д.). В случае, если их нарушение носило повторный характер, оно, как и однократное нарушение статьи о пресуществлении наказывалось сожжением.

В последние годы жизни Генриха VIII в Англии пылали религиозные костры. Вначале пытали, и затем сожгли Анну Эскью, вместе с тремя ее товарками. Заключили в тюрьму Хью Латимера, епископа Вустерского, одного из наиболее влиятельных в Англии протестантских проповедников. Грозные тучи сгустились даже над Томасом Кранмером, архиепископом Кентерберийским, примасом английской церкви. Но все же религиозные гонения на протестантов не отмечались последовательностью, в их основе не лежало того универсального порядка и той идеальной системы уничтожения людей, которую можно было наблюдать в Англии при Томасе Кромвеле. В одном только Лондоне было привлечено к суду более 500 протестантов, но после разбирательства почти всех их отпустили.

Очередная английская война во Франции также зашла в тупик. Реанимация союза с Карлом V не давала Генриху никаких преимуществ. Постановления открытого по инициативе папы Павла III в 1545 году Тридентского собора, положившего начало Контрреформации, Генрих исполнять отказался, и согласился на предложение Кранмера заменить католическую мессу причастной службой. Непосредственно перед смертью король провел последнюю политическую чистку, заключив герцога Норфолка в тюрьму и обезглавив его сына. Лежа на смертном одре, он учредил, как ему самому казалось, сбалансированный регентский совет при малолетнем наследнике. Главные роли в этом регентском совете должны были играть Сеймуры – родственники матери принца, имевшие протестантские убеждения.

Протестантизм и появление «новых людей» были двумя главными следствиями правления Генриха VIII. Эти два следствия во многом предопределили будущую историю Англии, они же оказали знаковое влияние и на колонизацию англичанами Америки. О протестантизме и «новых людях» следует говорить как о взаимосвязанных явлениях. «Новые люди» – это новая знать, сформировавшаяся при Генрихе VIII. Различные выбившиеся из грязи в князи Расселы и Кавендиши, а также возвысившиеся из хундордных дворян Спенсеры, и многие, многие другие, им подобные. Благодаря королевским пристрастиям они потеснили на государственном поприще древние аристократические роды: Перси, Невиллов, Вудвиллов. Закат старой аристократии в Тюдоровскую эпоху, сопровождался рождением аристократии новой, лучше адаптированной к современным экономическим условиям, более предприимчивой, более активной на деловом поприще. Эта новая знать до кризиса британской аристократии конца XIX – начала XX веков олицетворяла собой лицо Соединенного Королевства. Даже низложенный и казненный Томас Кромвель оставил после себя потомство. Один из членов его рода, правнук его старшей сестры, Оливер Кромвель, сыграет далеко не последнюю роль в английской истории.

Появление общества «новых людей» было связано самым непосредственным образом с переделом церковной собственности. Монастыри были крупнейшими землевладельцами в Англии, и отнятые у них земли король щедрой рукой распределял среди своих приверженцев. По самым скромным подсчетам при Генрихе VIII переделу подверглась пятая часть земельного фонда королевства. Бывшие монастырские земли пускались в коммерческий оборот. «Новые люди» были более склонны проявлять экономический прагматизм, а экономический прагматизм состоял в следовании всеобщему тренду эпохи – в изменении характера сельскохозяйственного использования земли. Материальной причиной изменений произошедших в английской экономике была овечья шерсть. Цены на овечью шерсть на мировом рынке постоянно росли и узкая специализация на овцеводстве, сулила землевладельцам сравнительно большую прибыль, чем передача этих земель в аренду крестьянам. Последние, кормившие

с арендованной земли свои многодетные семьи, были способны выплачивать аристократам лишь небольшую ренту. Овцеводство в отличие от зерновых не требовало большого числа рук. Овцы паслись и обрастали своей шерстью сами, без помощи человека. Все что требовалось от землевладельца – это огородить участок, на котором бы его овцы паслись. Огораживания год от года сокращали в Англии долю пахотных земель. И год от года, все большее число крестьян становились безземельными.

Англия, несмотря на некоторое развитие промышленности в XVI веке, продолжала оставаться сельскохозяйственной страной, крестьяне составляли большинство ее населения. После того как крепостничество изжило себя, английское крестьянство оказалось разделено на фригольдеров и копигольдеров. Фригольдерами назывались крестьяне, владевшие собственной землей, копигольдерами – те, кто арендовал землю у дворян, либо иных землевладельцев. Большинство английских крестьян не имели своей земли, то есть относились к числу копигольдеров. Обогащение через огораживания крупных землевладельцев – новой и старой аристократии, а также «рыцарей пера», как называли скупавших свободные участки предпринимателей и представителей нарождающегося промышленного класса, сопровождалось массовым обнищанием копигольдеров. В некоторых случаях копигольдеры насильственно сгонялись с земли, но в большинстве случаев они уходили сами, будучи не в состоянии уплатить хозяину постоянно растущую земельную ренту.

Канула в Лету благословенная для сельских тружеников эпоха позднего Средневековья. После того как пандемии чумы (XIV в.) сократили население Англии, рабочих рук в стране остро недоставало. Крестьянский труд ценился дорого, земельная рента, напротив, стоила очень дешево. Быстрый рост численности населения в Тюдоровскую эпоху, ухудшение качества монеты, подстегивавшее и без того высокую инфляцию и массовые огораживания, привели к тому, что значительная часть крестьянства, распродав свои пожитки и домашнюю утварь, с маленькими детьми на руках снималась с насиженных мест и уходила на поиски лучшей жизни. На самом деле они уходили скитаться по английским дорогам. При большой доле везения эти бездомные, обессилевшие от постоянного голода, кутавшиеся промозглыми ночами в свои лохмотья, перебивались случайными заработками. В большинстве случаев они нищенствовали, а когда лишались последней надежды выжить, перед лицом голодной смерти, принимались воровать. К последнему занятию, а также к разбоям и грабежам были особенно склонны невооруженные и пополнившие ряды бродяг солдаты, а также члены распущенных аристократами за ненадобностью военных свит. Ужасное питание подрывало физические силы людей, ослабляло их сопротивляемость болезням. Случаи голодной смерти, особенно детской, среди английских нищих были весьма многочисленны.

Но была и другая сторона медали. Те самые «новые люди» – новая знать и представители промышленного класса, сколачивали в новых экономических условиях огромные состояния. Они не стеснялись выставлять на всеобщее обозрение свое богатство: дворцы и роскошные особняки в тюдоровском стиле, разбитые при них регулярные сады, красивых лошадей, экипажи, дорогие одежды и великолепное питание. Ни королю, ни правительству, ни знати, ни нарождавшейся буржуазии не было дела до причин появления на английских дорогах армии бездомных. Вместо причин они начали бороться со следствиями. Первый тюдоровский акт против бродяг был издан еще при Генрихе VII в 1495 году. При Генрихе VIII было принято два таких акта в 1531 и 1536 годах. Старшие Тюдоры предпочитали бороться с проблемой нищих ужесточением наказаний и умножением числа публичных казней. Бродяг, пойманных даже на самых мелких хищениях, без разбора пола и возраста вешали. Просто пойманных за бродяжничество при Генрихе VIII заковывали в колодки и били розгами. Если ловили повторно – калечили, выжигая на лице бездомного клеймо и отрезая ему уши. Бродяг-рецидивистов, попавшихся в третий раз, отправляли на виселицу. Справедливости ради стоит признать, что эти строгие меры применялись к трудоспособным нищим, инвалидов не трогали.

Точные цифры казненных за бродяжничество при Тюдорах подсчитать не сможет никто. Для первой половины XVI века иногда называют цифру в 70000 человек, для второй половины – то есть, для благословенного Богом времени Елизаветы I – 80000. Лишь во второй половине правления «королевы-девственницы» (в 1572 и 1598 годах) Парламентом были приняты акты, устанавливающие обязательный налог в пользу бедных и предписывавшие создавать дома презрения. Но эти меры не были действенными, так как не устраняли непосредственных причин проблемы. Овцы, как и раньше, продолжали «есть людей». На улучшение социальной ситуации в XVII веке некоторым образом повлияло развитие мануфактурного производства, а также начало колонизации Нового Света. Переселение части лишних людей в Америку, где сгоняемых с английской земли потенциальных бродяг ожидали десятки, а то и сотни акров нераспаханных земель снизило в Англии уровень социального напряжения.

Другим, особенным видом «лишних людей», кто отправился за океан в поисках лучшей жизни стали протестанты. Точнее та, наиболее беспокойная и радикальная их часть, которая даже в Англии XVII века, в этой стране победившего протестантизма, не смогла найти себе места. Уходя от непонимания соотечественников или, в иных случаях, даже спасаясь от религиозных гонений со стороны правительства, в поисках абсолютной духовной свободы, эти радикальные протестантские общины, воспринимавшиеся окружающими как секты, переселялись в Новый Свет.

Протестантизм проник в Англию еще до конфликта Генриха VIII с Римом. Движение лоллардов в некотором роде английских аналогов гуситов, стало движущей силой антицерковных настроений в Англии XIV – XV столетий. К началу эпохи Тюдоров, движение лоллардов стихло, но среди интеллектуальной общественности в Оксфорде и в Кембридже, продолжали тлеть антиклерикальные настроения. В среде школяров они подпитывались чтением трудов Джона Уиклифа и других богословов имевших свой собственный, отличный от официального Рима, взгляд на вещи. Движение гуманизма, получившее развитие в университетской среде с началом Тюдоровской эпохи, переплелось и смешалось с антиклерикальными (точнее антикатолическими) настроениями.

Чтобы из тлеющих углей разгорелось пламя, достаточно было легкого дуновения ветра. Английский ученый-гуманист Уильям Тиндейл из Оксфорда переехал в Кембридж, а затем, когда до Англии дошли слухи о протесте Лютера в Виттенберге, отправился на континент, вначале в Гамбург, а затем в Виттенберг. Студенты со всех концов Европы съезжались тогда в этот «Новый Иерусалим» немецкой Реформации желая найти очищенную от грязи христианскую истину. У Тиндейла, как он сам не раз говорил, была мечта: сделать так, чтобы английский крестьянин, идущий за плугом, знал Священное Писание не хуже чем любой каноник. Все, что нужно было для этого сделать – это перевести Вульгату, латинскую Библию на английский язык.

К 1525 году тиндейлов перевод Нового Завета был закончен. За несколько лет, до падения правительства Уолси в Англию было переправлено около 6000 экземпляров английского Евангелия. Большая их часть была предана огню. Для католической Англии это был не просто перевод Священного Писания на народный язык, это была, бацилла протестантизма. Католический клир был настроен воинственно, но правительство в отличие от каноников не спешило закручивать гайки. Уолси, несмотря, на его кардинальский сан больше интересовался политикой, чем вопросами теологии. Немногочисленных протестантов появившихся в ту пору в английских городах (чаще всего их можно было найти в Оксфорде и Кембридже) обвиняли в ереси и сажали в тюрьмы, но не сжигали.

Генрих VIII до решительного разрыва с папой, оказывал поддержку гуманистам, а вместе с ними и некоторым протестантским лидерам, защищая их от церковных преследований. От суда епископа Илийского волей короля был освобожден Хью Латимер, один из виднейших протестантских богослов. Более того, король, несмотря на публично демонстрируемую им самим верность католицизму, назначил Латимера придворным священником. С обострением отношений короля и папы, ситуация изменилась самым радикальным образом. Из гонителей католические прелаты превратились в гонимых, а протестантские проповедники из преследуемых сделались гонителями. Примасом английской церкви (архиепископом Кентерберийским) стал Томас Кранмер, реформационно настроенный доктор богословия из Кембриджского университета. Именно Кранмер председательствовал в 1533 году на церковном суде, где разбиралось дело о разводе Генриха и Екатерины Арагонской.

В самом общем виде, отличие католицизма от протестантизма заключалось в том, что католицизм опирался на внешний эффект, на величие, на красивую картинку, на обрядовость, на таинство культа, протестантизм, напротив, стремился выбросить из христианства все, что не служило, на его взгляд, прямым путем к личному спасению. Красивая картинка не имела никакого значения, не имел значения обряд, не имело значение таинство культа, имело значение лишь Слово Божие, впитанное человеком из лично прочитанной им Библии, или, как вариант, услышанное им на проповеди.

Утверждают, что степень религиозности простого народа в Англии в преддверии Реформации была высокой. Однако, что было отличительной чертой этой английской религиозности? Все сводилось к почитанию местных святых, мощей, распятий, икон, и других материальных символов католической культуры. Таинство Евхаристии, а также таинство исповеди, не меняли всеобщей грубой картины. В народном католицизме было очень много обрядовости и почти не было созерцательности и духовности. Простые англичане не понимали ни слова из латинской мессы, никто из них не читал написанной на латыни Библии. Когда начались гонения на католиков, народ, что интересно, не поднялся на защиту старой веры, подобно тому как всего за несколько лет до этого, он поднялся защищать от королевских «одолжений» свою собственность. Выступление на севере, предпринятое в защиту католицизма и наследственных прав Марии Тюдор было инспирировано знатью, это не было движение снизу. Английский народ, разумеется, не одобрял эксцессов протестантизма, но он безмолвствовал...

А эксцессы протестантизма имели место быть. Были случаи, когда радикалы вламывались в храмы, выносили оттуда богато украшенные деревянные распятия и сжигали их в поле. Знаменитое на всю Англию распятие из Боксли, которое, как говорят, опускало и поднимало голову и двигало глазками, на потеху толпе возили теперь по ярмаркам. Мощи святых выбрасывались на землю из драгоценных раков. Во время Причастия, когда священник возносил жертву, присутствующие на службе протестанты, поднимали на руках собаку.¹⁴

С 1539 года за подобные эксцессы протестантизма стали наказывать. Акт «О шести статьях», возвратил Англию к основным формам католической обрядовости. Но вот Генрих VIII умер и при малолетнем Эдуарде, протестантизм вновь перешел в наступление, да еще с удвоенной силой. Англия в этот период бесцеремонно и грубо порывала со своим католическим прошлым. К богослужениям на английском, к отказу от мессы, к отказу от celibата (безбрачие духовенства) добавилось разрушение каменных алтарей в храмах. Каменные алтари заменили деревянными столами. Ввели новый катехизис, в обязательном порядке было предписано читать Книгу проповедей. Новый английский молитвенник, содержал изменения в духе радикального протестантизма кальвинистского типа, нашедшего в то время убежище в Швейцарии. В 1552 году, за год до смерти короля Эдуарда, были приняты 42 религиозные статьи. Эти статьи

¹⁴ Грин Д. Р. Указ. раб. – С. 369.

(за некоторыми исключениями) остаются образцом христианского учения и для современной англиканской церкви.

Эдуард VI скончался в возрасте пятнадцати лет, в 1553 году. Подросток стал чахнуть и почти лишился сил, он с большим трудом выдерживал даже самые короткие дворцовые церемонии. Вскрывавший его тело врач, объявил о поражении легких. Вероятнее всего король скончался от туберкулеза. Короткое правление Эдуарда было наполнено внутренними неурядицами, борьбой членов регентского совета за власть и за влияние на молодого короля. Выстроенный Генрихом VIII абсолютизм рухнул, словно карточный домик. Парламент вернул себе утраченное политическое влияние. Был отменен статут, наделявший королевские указы силой закона. Мощные восстания в Корнуолле и Норвиче, вспыхнувшие из-за причин смешанного, экономического и религиозного характера (одновременно выдвигались требования возвратить мессу и запретить огораживания), свидетельствовали об общем кризисе власти. Но это было всего лишь начало ожидавших Англию несчастий.

«Play the man, Master Ridley. We shall this day light such a candle, by God's grace, in England, as I trust shall never be put out». (Hugh Latimer to a man named Nicholas Ridley, as they were being burnt alive at Oxford, for heresy, on October 16, 1555).¹⁵

Мария Тюдор и ее единокровная сестра Елизавета, были восстановлены в своих правах на престол Актом о наследовании, обнародованным незадолго до смерти Генриха VIII. Мария Тюдор должна была наследовать брату Эдуарду VI в случае, если тот не оставит потомства. Елизавета при тех же условиях наследовала своей старшей сестре Марии Тюдор. Добившийся перевеса в регентском совете Джон Дадли, герцог Нортумберленд, убедил болезненного и безвольного Эдуарда, изменить завещание отца. Старшие сестры короля и Мария и Елизавета снова были лишены права наследования.

Мария Тюдор, единственная выжившая дочь Екатерины Арагонской, осталась верна ее испанской крови. Гордая, серьезная, волевая, жестокая, она, несмотря на выпавшие на ее долю многочисленные удары судьбы, не сломилась внутренне. Мария была ревностной католичкой и чем сильнее оказывалось давление на католиков в Англии, тем больше рвения было в ее служении латинской вере. Восшествие на престол озлобленной Марии предвещало конец английской Реформации, не понимать этого члены регентского совета не могли. Под давлением герцога Нортумберленда, своей наследницей Эдуард объявил леди Джейн Грей. Джейн приходилась Генриху VIII внучатой племянницей по линии его младшей сестры Марии. Обойдены, таким образом, были не только дочери Генриха, но и потомство старшей его сестры, Маргариты, ставшей через брак с Яковом IV Шотландским бабкой молодой шотландской королевы Марии Стюарт. Последняя, кстати, была такой же ревностной католичкой, как и Мария Тюдор.

Леди Грей была выдана замуж за Гилфорда Дадли, четвертого сына присвоившего власть в регентском совете герцога Нортумберленда. Факт воровства короны через навязанное Эдуарду завещание был очевиден настолько, что вступившая на английский престол после его смерти леди Грей, смогла продержаться у власти лишь девять дней и даже не была коронована. Выступившая против своей дальней родственницы и герцога Нортумберленда Мария Тюдор, при помощи старой знати и с молчаливого согласия народа, практически без борьбы захватила трон.

¹⁵ «Будь мужественен, мастер Ридли. Сегодня мы с помощью Божией зажжем такую свечу, какую, я убежден, никогда не удастся потушить». Слова, брошенные Хью Латимером Николасу Ридли, перед сожжением их на костре 16 октября 1555 года в Оксфорде.

Королева, получившая в английской истории прозвище «Кровавая» не сразу принялась казнить своих политических и религиозных противников. Оказавшуюся пешкой в чужих руках Джейн Грей, вместе с ее ближайшим окружением и политическими комбинаторами из регентского совета, заключили под стражу. В тюрьму поместили также Хью Латимера, Томаса Кранмера и других виднейших деятелей английской Реформации. Но никого пока не казнили. Атмосфера, тем не менее, оставалась гнетущей, чувствовалось приближение грозы. В непосредственной близости от английских границ, по другую сторону Ла-Манша, в подвластных испанской короне Нидерландах уже вовсю полыхали костры католической реакции. Инквизиция с помощью огня очищала Голландию от сторонников немецкой Реформации.

Мария Тюдор не была всемогуща как ее покойный отец, ей требовалось время, чтобы подчинить себе знать и преодолеть сопротивление Парламента. Внешнеполитическая ориентация Англии, вопреки воле парламентского большинства, при Марии была происпанской. Королева жертвовала интересами страны, которую она возглавляла, чтобы удовлетворить властные амбиции своих родственников из Габсбургского дома. Англия, несмотря на ужасное состояние казны, ввязалась в очередную не нужную ей войну с Францией, на стороне Испании. Несмотря на победы испанцев в Италии, для англичан ход боевых действий оказался крайне неудачным. Англия потеряла Кале – последнее свое владение в континентальной части Европы.

Еще до вступления Англии в войну по стране поползли слухи, что в планах Марии было объединить Англию с вступившей в пору наивысшего могущества Испанской империей. Поводом к подобного рода слухам послужил брак Марии с Филиппом – сыном и наследником императора Карла V Габсбурга. Карл V приходился английской королеве по материнской линии двоюродным братом, а его сын, соответственно – двоюродным племянником. Разница в возрасте невесты и жениха составляла шестнадцать лет, и поговаривали, что Мария страстно желала брака с молодым Филиппом. Молодой человек, взойдя в 1556 году на испанский престол под именем Филиппа II, также не имел возражений против брака с двоюродной теткой. Против этого брака выступал английский Парламент, лорды опасались потери суверенитета Англией. Марии пришлось пойти на уступки. В брачном соглашении было прописано, что в случае смерти Марии, ее супруг не сможет занять английский престол. Кроме того, англичане, выторговали для ребенка, если таковой появится у их королевы, Нидерландов в качестве испанской части наследства.

В 1554 году Филипп, который к тому времени уже получил от отца в управление не только Нидерланды, но и Неаполитанское королевство, перебрался на жительство в Англию. Филипп прожил в Лондоне всего лишь год и официально английской короной коронован не был. И народ, и знать остались недовольны браком Марии с испанским инфантом. Раздражение англичан вызывала высокомерная испанская свита Филиппа и усиливавшаяся католическая реакция. В церкви произвели большую чистку, епископов низложенных при Генрихе VIII восстановили на кафедрах, виднейших протестантов, напротив, заключили в Тауэр, женатых священников выгнали из приходов. Была введена месса, заново отстроены каменные алтари в храмах. Но это было еще не все. Мария решила восстановить крупнейшие монастыри. Монастырям следовало возвратить отобранные у них земли и другое имущество. Понятно, что особых восторгов у английской аристократии, нажившейся на дележе монастырских владений, такая инициатива Марии не вызывала. Проводимые королевой преобразования воспринимались как инспирированные Испанией. Национальное достоинство англичан от этого сильно страдало. Но, страшнее всего была, разумеется, замаячившая перед «новыми англичанами» перспектива расстаться при восстановлении католических монастырей с частью принадлежащего им имущества.

Волнения вспыхивали и подавлялись правительством на западе и в центре страны. Герцог Саффолк, вступивший с оружием в Лестер, был схвачен и заключен в Тауэр. В непосредственной близости от Лондона, в Кенте, раздавались призывы к восстанию. Поводом был рас-

пространившийся среди жителей Кента слух, что «испанцы идут завоевывать королевство». К восставшим, которых возглавил сэр Томас Уайэт, присоединились военные суда на Темзе. Из Лондона было выслано на скорую руку собранное ополчение, но оно с возгласами «Уайэт! Уайэт! Мы все англичане!», перешло на сторону мятежников. Разношерстная толпа отправилась брать незащищенный Лондон, судьба Марии висела на волоске. Но гордая и властная женщина проявила завидное самообладание. Ворота Лондона, когда к ним приблизились люди Уайэта, оказались заперты. В городе царил порядок. Мятежники потерпели поражение. Выступление в Кенте как будто пробудило королеву от спячки. Пользуясь плодами своей победы, она, наконец-то, преодолела сопротивление своего окружения. Начались казни...¹⁶

Казнили томившихся в Тауэре Джейн Грей и герцога Нортумберленда, на эшафот, конечно же, отправили и проигравшего Томаса Уайэта. На кострах по всей Англии стали сжигать протестантов. За оставшиеся три года нахождения Марии Кровавой у власти, до ее смерти в 1558 году, было сожжено, по меньшей мере, 280 деятелей английской Реформации. Среди этих жертв были Латимер, Ридли, Кранмер. Некоторые реформаторы выказали исключительное достоинство во время своих страданий. Принимая во внимание неудачи правления Эдуарда, обо всех этих протестантах говорили, что «если они и не умели управлять, то они, хотя бы, умеют умирать». Рауленд Тэйлор, викарий из Гэдли, был одной из первых жертв католических гонений. Сообщают, что после того как он попрощался с женой и маленькими детьми, на смерть он шел приплясывая.¹⁷

«Ну, господин доктор, – спросил шериф, – как вы себя чувствуете? – «Хвала Богу, прекрасно, – ответил он, – лучше, чем когда-либо, так как я чувствую себя почти дома. Мне нужно пройти только два поворота, и я буду в доме Отца нашего!»... С обеих сторон улицы Гэдли были усеяны мужчинами и женщинами, городскими и сельскими, желавшими видеть его; а когда они увидели его, идущим на смерть, они стали плакать и кричать жалобными голосами: «Боже милостивый! Вот от нас уходит наш добрый пастырь!». Наконец путешествие окончилось. «Что это за место – спросил он, – и что означает большое сборище народа?». Ему отвечали: «Это Олдгэмский луг – место, где вы должны пострадать, а народ пришел посмотреть на вас». Тогда он сказал: «Благодарение Богу, я как раз дома!»... Но когда народ увидел его почтенное старческое лицо с длинной белой бородой, он разразился слезными рыданиями и криками: «Бог да спасет тебя, добрый доктор Тэйлор! Бог да подкрепит тебя и да поможет тебе! Дух Святой да подкрепит тебя!». Он пожелал говорить, но ему не позволили. Помолвившись, он подошел к столбу, поцеловал его и стал в смоляной бочонок, поставленный ему вместо подножия; затем он прислонился спиной к столбу, скрестил руки, поднял глаза к небу и так был сожжен... Так стоял он, не крича и не двигаясь, со скрещенными руками, пока Соис не поразил его алебардой в голову, так что выпал мозг и мертвое тело упало в огонь».¹⁸

Хотя не все протестанты обнаружили мужество Латимера и Тэйлора. Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, любострастно угождавший когда-то прихотям Генриха VIII, не нашел в себе сил в период испытаний остаться на избранном им пути. Для того чтобы спасти свою жизнь и избежать страданий на огне, он подписал отречение от учения, которому служил. Мария, тем не менее, имела с Кранмером личные счеты. Ведь это именно он председательствовал на бракоразводном процессе Генриха и Екатерины Арагонской, ведь именно его решением брак ее матери и отца был признан незаконным, а сама Мария Тюдор незаконнорожденной и не имеющей прав на престол. Кранмер, несмотря на его отречение от протестантских догматов все равно был казнен.

¹⁶ Там же. – С. 376.

¹⁷ Блэк, Дж. Указ. раб. – С. 177.

¹⁸ Грин Д. Р. Указ. раб. – С. 379.

Вообще, цифра в 280—300 умерших мучительной смертью за несколько лет правления Марии Кровавой в Англии не выглядит совершенно уж непомерной. В Германии, во Франции, в Испании (включая Нидерланды), и даже в небольшой Швейцарии, людей в описываемое нами время, сжигали ничуть не реже, чем в самой Англии. Сжигали по обвинениям в ереси и колдовстве. В первой половине XVII века своего апогея достигла охота на ведьм в Германии. Как женщин, так и мужчин, подозреваемых в связях с дьяволом, и в городах, и в сельских общинах сжигали десятками за раз. И многое свидетельствует о том, что протестантские «епископы» в этой охоте на ведьм усердствовали не меньше католической инквизиции.

Пока контрреформация правила балом в Англии, в швейцарской Женеве французский последователь Мартина Лютера Жан Кальвин построил свою собственную, совершенную модель протестантизма. Кальвинизм стал причудливым сочетанием рационализма с религиозным фанатизмом, находившим практическое выражение в самых строгих формах церковной деспотии. По знаменитому выражению Вольтера, Кальвин отворил двери монастырей не для того, чтобы выпустить из них монахов, а для того, чтобы загнать туда весь мир. В 1533 году в находившейся под властью Кальвина Женеве на медленном огне был сожжен знаменитый на всю Европу врач Мигель Сервет. В Женеве каждый год выносилось по религиозным основаниям по несколько десятков смертных приговоров. Количество декретов об изгнании инакомыслящих исчислялось сотнями. Сравним эти цифры с 280—300 протестантами, сожженными по религиозным мотивам Марией Стюарт на территории всей Англии с 1554 по 1558 год. И учтем при этом, что только в одном Лондоне и его окрестностях, при Эдуарде VI проживало до 10000 протестантов.¹⁹

На прижизненных портретах Мария Кровавая, а это прозвище королева получила значительно позже, в протестантской Англии, изображена почти всегда в строгом черном бархате. Стройная женщина средних лет, с изможденным лицом, с уставшими, но умными глазами. Фигура скорее трагическая, чем роковая, мученица ничуть не в меньшей степени, чем деспот. Мария I Тюдор ушла из жизни осенью 1558 года, по-видимому, от водянки, которая была ошибочно принята за беременность. Перед смертью, в завещании королева-католичка подтвердила отсутствие прав на английский престол у ее супруга и указала в качестве наследницы свою младшую сестру. Последняя, под именем Елизаветы I стала новой королевой Англии.

Англо-испанское соперничество и первые английские попытки колонизации Нового Света

Елизавета – дочь Генриха VIII и Анны Болейн в отличие от своей единокровной сестры была протестанткой. В одно время, а именно после подавления восстания Томаса Уайэта, когда начались казни всех причастных к мятежу, в связях с заговорщиками была заподозрена также Елизавета. Девушку заключили в Тауэр, но угрюмое недовольство Парламента и королевского совета, вынудили Марию отпустить сестру. Давление Парламента и советников королевы, вне всяких сомнений, сыграло роль и при выборе Марией Тюдор Елизаветы в качестве наследницы. Будь королева целиком предоставлена своей воле, она, скорее всего, завещала бы английский престол Филиппу II.

Мария Тюдор не смогла преодолеть сопротивление английской знати и в вопросе монастырской собственности. Земли монастырям были возвращены лишь частично и исключительно за счет королевской казны. «Новыми людьми» смерть королевы, не только по рели-

¹⁹ Блэк, Дж. Указ. раб. – С. 173.

гиозным и политическим мотивам, но также по причинам исключительно меркантильного характера, была воспринята с облегчением. Мученичество протестантов, и кажущееся засилье Испании настроили общественность против католицизма. Англия из любовных заигрываний с империей Габсбургов вышла страной более националистической, чем была раньше. Вступление на престол Елизаветы обещало серьезные перемены. Воцарение протестантки было принято народом с восторгом и сопровождалось празднествами и увеселениями по всей стране.

Но поводов для веселья было немного. Елизавете досталось плохое наследство. Пострадал международный авторитет Англии, так как последние пять лет ее внешняя политика не была самостоятельной. На международной арене Англия пережила унижение, потеряв Кале. Из государственной казны Марией выделялись огромные средства не только на войну, но и на возмещение монастырям отнятой у них Генрихом VIII, собственности. Казна по этой причине была совершенно пуста. В стране была сложная социальная обстановка из-за массового обнищания сельского населения. Общество было расколото не только по материальному, но и по конфессиональному признаку. Костры контрреформации ожесточили протестантов. Те из них, которые сбежали на континент, и нашли приют в Женеве, возвращались назад с мыслями о коренном религиозном переустройстве Англии. Власти не на кого было опереться, под рукой не было ни армии, ни более или менее сильного морского флота.

Двадцатичетырехлетняя королева, как говорят, была хороша собой. Скрывалась ли за этой оценкой лесть придворных, или констатация факта, сказать сложно. Во всяком случае, многие сходились во мнении, что Елизавета унаследовала от матери, Анны Болейн, хорошую фигуру, выразительные глаза, индивидуальность и способность совершенно непринужденно чувствовать себя в мужском обществе. Елизавета получила хорошее гуманистическое образование. Способная от природы, она каждое утро начинала со чтения греческого Евангелия, увлекалась Софоклом и Демосфеном и могла посоревноваться в учености, споря по-гречески с вице-канцлером. Французским и итальянским королева владела так же свободно, как и родным английским. При всей своей начитанности, она совершенно не была педантом, разъезжала верхом, грациозно и увлеченно танцевала, отлично играла. Из недостатков, несколько подмывавших впечатление о ней как о женщине, современники отмечали ее низкий, почти мужской голос. Чувственность и самоуслаждение сохранились у Елизаветы до конца жизни. Потеряв остатки девичьей красоты, и лишившись из-за любви к сладкому почти всех зубов, она не утратила честолюбия юной кокетки. Постаревшая королева рядилась в роскошные платья и явно злоупотребляла макияжем. Даже пошлые комплименты и бессовестная лесть по части внешности, служили гарантией ее королевского расположения. Елизавета и сама была не равнодушна к мужской красоте. В присутствии двора она гладила шеи красивым дворянам, когда те, склоняли перед ней свои головы. Чувственный темперамент, безбрачие и открытый фаворитизм давали повод внутренним и внешним врагам говорить о Елизавете как о распутнице. «Королеве-девственнице» приписывали многочисленные внебрачные связи и, разумеется, несколько внебрачных детей.

Последнее, скорее всего, было ложью. Елизавета прожила долгую по стандартам ее эпохи жизнь. Она никогда не выходила замуж и никогда не рожала детей. Английский престол дочь Генриха VIII и Анны Болейн занимала 44 года (1558—1603). О времени ее правления говорят как о «Елизаветинском веке». Это было поистине золотое время, включившее в себя экономический подъем, упрочение международного положения Англии и расцвет культуры английского Возрождения. Именно при Елизавете, Англия начала претендовать на то, чтобы называться «великой морской державой». Достижения эти были тем более удивительны, если

принять во внимание то, насколько слабыми изначально выглядели позиции Елизаветы и той островной страны, которую она в 1558 году возглавила.

Главным свойством политики Елизаветы была умеренность. Королева, несмотря на довольно чувственный темперамент, любовь к комплиментам, кавалерам, украшениям и сладкому (это было то, в чем она решительно не могла себе отказать), обладала холодным рассудком и сильным, или, как даже могло показаться, упрямым характером. Кокетка на балах, превращалась в государыню за столом королевского совета. Правда, королева не особенно сдерживала свою живую натуру и там. Елизавета была подвержена вспышкам гнева, во время приступов которого, орала на своих советников, словно уличная торговка. Но каким-то непостижимым образом, темперамент совершенно не мешал сохранять холодной ее голову. Елизавета отличалась осторожностью в своих решениях. Она долго и скрупулезно обдумывала последствия, перед тем как сделать первый шаг. Она лучше, чем кто-либо в ее окружении чувствовала границы возможного: то, до какой черты она могла идти, а где ей следовало остановиться. Ее политика напоминала танец, Елизавета грациозно балансировала среди враждебных политических сил, проявляла гибкость и способность идти на компромисс, но при этом не давала повода заподозрить себя в слабости.

Компромиссный характер елизаветинской политики проявился практически сразу. Уже на следующий год после вступления ее на престол, был принят Акт о единообразии (1559). Этот акт отменял латинскую литургию и принуждал духовенство под страхом наказания вести службу на английском языке. Англия официально становилась протестантской страной, однако дальше этого, дело, по сути, не пошло. Елизавета не была носительницей суеверий католицизма, но, как вскоре выяснилось, она не была приверженицей и религиозного фанатизма протестантов. При вступлении в Лондон, королева поцеловала поданную ей «английскую» Библию, и пообещала прилежно читать ее. Однако, благочестие и религиозность не были чертами ее натуры. Елизавету в вопросах церковного переустройства больше волновала проблема утверждения верховенства королевской власти над церковной властью папы и проблема сохранения порядка в обществе.

Протестанты в Англии по-прежнему были в меньшинстве, но это меньшинство было деятельным. Две трети простого народа и значительная часть английской аристократии (в основном старые дворянские роды) не приветствовали радикальных протестантских преобразований времен Эдуарда VI. По этой причине содержанием Елизаветинского протестантизма, стало такое устройство английской церкви, при котором с одной стороны, была бы провозглашена независимость от папы, но при этом были бы сохранены многие черты католической обрядовости. Этот «усеченный» протестантизм был выгоден тем, что он восстанавливал королевское верховенство и делал Англию независимой от чужеземного влияния (и церковного суда), а с другой стороны гарантировал лояльность новой системе подавляющего большинства подданных. Конечно, приверженность «золотой середине», не могла совершенно исключить нападок на религиозную политику королевы. И эти нападки были, как с католической, так и с протестантской стороны. Елизавета была отлучена папой от церкви в 1570 году. Со временем она получила сильную оппозицию в лице тех протестантов, которые стремились к углублению религиозных реформ и выступали за полный разрыв с наследием католицизма.

Особенностью елизаветинского века стала тесная и, может быть, не вполне свойственная другим историческим эпохам связь религиозной политики и династических отношений. Вопросы наследования престола и религиозные принципы, по которым предстояло жить Англии, теснейшим образом переплелись друг с другом. Они переплелись также и с вопросами внешней политики. Действительными факторами внешней политики все время прав-

ления Елизаветы были национальные (в первую очередь экономические) интересы Англии. Однако внешне, все было облачено в форму религиозных конфликтов и династических игр между европейскими монархами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.